№ 11. 13-го Марта 1905 г. XXVII-й годъ изданія

Редакція, главная контора и отдѣленіе:
С.-ПЕТЕРБУРГЪ: 1) Лиговская, соб. д., № 114. 2) Садовая ул., домъ № 20.

ИЗДАНІЕ А. А. КАСПАРИ.

Отдѣленіе главной конторы „РОДИНА":
МОСКВА: Петровскія линіи, противъ гостиницы „Россія", магазинъ № 12.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДЪ: Безъ доставки въ С.-Петербургѣ **5** р. | Съ доставкой въ С.-Петербургѣ **5** р. **50** к. | Безъ достав. и въ Москвѣ **5** р. **25** к. | Съ пересылкой по всей Россіи **6** р. | За границу **10** р.

Съ пересылкой по всей Россіи за 6 мѣсяцевъ **3** р., за 3 мѣсяца **1** р. **50** к., на 1 мѣсяцъ (безъ приложен.) **50** к.

Разсрочка допускается: при подпискѣ **2** р., 1-го марта—**1** р., 1-го іюня—**1** р., 1-го августа—**1** р. и 1-го сентября—**1** р.

Нѣкоторые изъ гг. подписчиковъ «РОДИНЫ» подписались въ разсрочку и выслали при подпискѣ только

ПО ДВА РУБЛЯ.

Контора редакціи проситъ такихъ лицъ, во избѣжаніе остановки въ полученіи журнала, **ПОСПѢШИТЬ ВЗНОСОМЪ ДОПЛАТНЫХЪ ДЕНЕГЪ**, такъ какъ срокъ прекращенія высылки имъ изданія наступаетъ

съ № 13-го.

При доплатѣ денегъ необходимо **ПРИЛАГАТЬ АДРЕСЪ**, по которому получается журналъ.

НА ГОРНОЙ ТРОПКѢ ВЪ МАНЧЖУРІИ. Оригин. рисун. **А. Шлипера.**

ЛЮБЪ-ТРАВА.

Историко-бытовой романъ

графа Е. А. Саліаса.

(Продолженіе.)

Княгиня немного помолчала и затѣмъ заговорила:

— Жилъ-былъ такой кузнецъ бѣдный, а сталъ вдругъ богатымъ. А почему? А потому, что заѣхалъ въ село нѣмецъ, и, вѣстимо, дуракъ, какъ они всѣ — дураки.

— Они, матушка, нѣмцы, совсѣмъ нельзя сказать, чтобы были...

— А ты помолчи! Коли я начала разсказывать, такъ дай сказать... „Заѣхалъ нѣмецъ въ деревню. Кузнецъ былъ малый продувной, приступилъ тихоней и лисой къ этому нѣмцу и говоритъ: „Много, говоритъ, вы на свѣтѣ видовъ видали, умнѣе васъ, можетъ, еще не было и нѣтъ. А я вотъ — человѣкъ простой, ничего не видѣлъ, ничего не знаю, а все-таки могу я вамъ показать такое диво, какого вы никогда не увидите — пшикъ. На своей сторонѣ когда будете разсказывать, такъ всѣ будутъ ахать.

„Нѣмецъ залюбопытствовался. Спрашиваетъ, что такое — пшикъ.

„— Покажу, только даромъ я это сдѣлать не могу,— говоритъ кузнецъ,—дайте сто рублей и я вамъ пшикъ представлю.

„Сказано, сдѣлано. Нѣмецъ уплатилъ деньги впередъ и пришелъ въ кузницу. Кузнецъ раскалилъ огромный кусище желѣза, а тамъ взялъ его клещами да въ большую бочку съ водой и ткнулъ. Вышелъ такой пшикъ, что дымъ повалилъ и на улицѣ слышно было... Нѣмецъ, вѣстимо, не солоно хлебавши такъ и уѣхалъ, заплативъ сто рублей“... Ну, вотъ и ты теперь хочешь то-же самое изъ мариночкиной вотчины пшикъ устроить. И дорого она за него заплатитъ, а тебѣ, конечно, выгода.

И княгиня, недовольная и сумрачная, замолчала.

Между тѣмъ, на этотъ разъ это было съ ея стороны комедіей, притворствомъ. Каждый разъ, какъ ей нужно было непремѣнно добиться отъ мужа чего-либо въ какомъ-нибудь мудреномъ дѣлѣ, она дѣйствовала всегда на одинъ и тотъ-же ладъ. Она притворялась разсерженной и недовольной, зная, что князь постарается всячески ее утѣшить и ублажить, и тогда она начинала толковать о дѣлѣ.

На этотъ разъ княгиня заговорила рѣзко о новой продажѣ имѣнія опекаемой дѣвушки, чтобы потомъ начать говорить о болѣе мудреномъ,—просить мужа въ такомъ дѣлѣ, въ какое она никогда во всю свою жизнь не вмѣшивалась.

— Ну, вотъ что, Андрей Григорьевичъ, — заговорила княгиня, — твое опекательство Мариночки и ея иждивенія до меня не касаются. Считаю я своей обязанностью тебя предупреждать, что все-таки у тебя въ рукахъ не свое собственное, а чужое и что рано-ли, поздно-ли ты долженъ отвѣтъ держать, куда и что дѣвалось изъ всего того, что ты въ руки заполучилъ. Не хочешь меня слушать, твое дѣло. А вотъ теперь пойдетъ рѣчь о другомъ, о хозяйствѣ. Это уже будетъ касаться меня самой и моихъ домашнихъ порядковъ. Скажу все въ малыхъ словахъ. Слушай! Да ужъ сдѣлай милость внимательнѣе.

— Слушаю-съ, — отозвался князь но, подумалъ: „Неужели впрямь рѣчь пойдетъ о Файкѣ?“

XXV.

Княгиня подумала и заговорила:

— Ты знаешь, что Лисафа старѣть стала, уставать стала, у нея по всему дому всякое на спинѣ. И днемъ-то покоя нѣтъ, да и ночью, сказываетъ, не спится, все заботы. И вотъ ей, старухѣ, пора отдохнуть, пора ей имѣть помощницу, а гдѣ ее достать?

— Мало-ли у насъ этого добра, матушка, — отозвался князь, — любую выбирай.

— Не такъ-то это легко. А вотъ Лисафа сама такую нашла, совсѣмъ подходящую. Сказываетъ она, что у нея есть знакомая дѣвушка, такая степенная и честная, какой другой не сыщешь. Живетъ она въ Москвѣ уже давно, крѣпостная или вольная, этого не знаю. Коли крѣпостная, можетъ быть, мы ее купимъ, а вольноотпущенная, то просто внаймы возьмемъ. Понимаешь?

— Понимаю, — отозвался князь и подумалъ: „Выходитъ, стало быть, Евсѣичъ все вретъ. Какая-то другая“.

И въ то-же мгновеніе княгиня выговорила:

— Дѣвушка молодая, сильная, работящая, звать ее Фаина.

— Фаина? — ахнулъ князь.

— Да. Чего ты? — будто удивилась княгиня.

— Да, вѣдь, Фаина... — началъ онъ, желая сказать, что дѣвушка живетъ въ домѣ, и запнулся.

Если княгиня дѣлаетъ видъ, что она отродясь не слыхала, что есть дѣвушка Фаина въ домѣ, то какъ-же о ней заговорить? Однако, быстро все сообразивъ, князь выговорилъ:

— Файка? Стало быть, тезка той, что у насъ есть... Файкой звать.

— У насъ?— опять удивилась княгиня.—А нешто у насъ въ домѣ есть дѣвка по прозвищу Файка?

Князь хотѣлъ что-то сказать, но будто поперхнулся и не сразу выговорилъ:

— Кажись, что есть, а, впрочемъ, право, не знаю.

— Такъ вотъ ты, Андрей Григорьевичъ, и знай. Хочу я эту самую Файку къ себѣ вызвать, поглядѣть на нее и порѣшить—брать ее въ помощницы къ Лисафѣ или не брать.

Князь поглядѣлъ во всѣ глаза на жену и молчалъ, совершенно не зная, что ему дѣлать. Приходилось соглашаться. А какъ-же давать свое согласіе, когда, очевидно, жена ставитъ ему нѣчто въ родѣ западни, и ставитъ очень хитроумно? О Файкѣ, уже около полутора года живущей въ домѣ и состоящей въ качествѣ его прелестницы, она якобы никогда и неслыхала, а хочетъ нанять и поселить въ домѣ какую-то Файку. Если-бы Евсѣичъ ничего не говорилъ ему, то, конечно, онъ тотчасъ далъ-бы свое согласіе: мало-ли Фаинъ на свѣтѣ. Но, предупрежденный любимцемъ, князь ясно видѣлъ, что жена ставитъ капканъ.

— Такъ какъ-же, Андрей Григорьевичъ, согласенъ ты, что Лисафа стара стала и что нужна ей въ помощницы хорошая дѣвушка, степенная, не балованная, не воровка?

— Да, это точно, — нерѣшительно проговорилъ князь.

— Ну, стало быть, я за этой Фаиной пошлю и осмотрю, да коли годится, то сейчасъ-же все и порѣшу.

— А куда вы за ней пошлете?—выговорилъ князь вдругъ.

— Нешто я могу знать? Лисафа знаетъ.

— Позволь, матушка Елизавета Петровна, все-таки надо намъ договориться. Это дѣло не простое—чтобы не вышло какого замѣшательства.

— Какое-же, по-твоему, замѣшательство можетъ быть?

— А вотъ изволите видѣть, ужъ первое дѣло то, что ты сказываешь, якобы въ домѣ у насъ нѣтъ

Фаины, а таковая есть — Фаина, или Файка. А вотъ Лисафа какую Файку хочетъ? ту самую Файку или другую какую?

— Не знаю я, какая это Файка у насъ въ домѣ, отродясь не слыхивала, — выговорила княгиня.

Лисафа, стоявшая за дверью и слышавшая все отъ слова до слова, невольно ахнула и произнесла шепотомъ:

— Ну, господа! И чего это они колобродятъ? Какъ-же такъ не знаетъ она?

И только черезъ нѣсколько мгновеній Лисафа поняла, что это — господскія тонкія и хитроумныя рѣчи ради благоприличія.

— Изволите видѣть, матушка, — заговорилъ князь, — вѣрно знаю я и говорю, что въ домѣ у насъ есть дѣвушка Файка крѣпостная, покупная, которую я порѣшилъ продать, потому что, какъ сказываетъ Савелій, она очень буянствуетъ, балуется, всякія глупости заводитъ. Вотъ я ее не нынче-завтра продамъ, хотя-бы за грошъ. Такъ неужто-же Лисафа эту самую болтушку и попрыгушку себѣ въ помощницы выбрала? Ужъ это будетъ совсѣмъ несообразительно и глупо, глупѣе нельзя.

Княгиня помолчала, потомъ выговорила отчасти ласково:

— Да что-же тебѣ, Андрей Григорьевичъ? Ты въ хозяйственномъ дѣлѣ по всѣмъ погребамъ да по кладовымъ не ходишь. Что тебѣ за дѣло, кто будетъ помогать Лисафѣ? Вѣдь, она все-таки остается сама въ отвѣтѣ. Это — не наше барское дѣло, пущай ее выбираетъ хотя-бы эту самую болтушку Файку, про которую ты сказываешь и о коей я никогда не слыхала.

— Нѣтъ, матушка Елизавета Петровна, — сурово выговорилъ князь, — все, что пожелаешь, я для тебя со всѣмъ моимъ удовольствіемъ сдѣлаю — хоть прикажи пѣшкомъ идти за сто верстъ, а, чтобы эту поганую буянку и срамницу Файку оставить въ домѣ да еще сдѣлать помощницей барской барыни, этого я не могу и тебя прошу этого не дѣлать.

Наступило молчаніе, которое длилось довольно долго, а Лисафѣ, стоявшей за дверью, показалось безконечнымъ.

— Вотъ что я все-таки должна пояснить, — заявила княгиня. — Есть такія дѣла, кои касаются мужеска пола, а есть таковыя, что касаются женска пола. Однимъ дѣломъ долженъ орудовать, къ примѣру, супругъ, баринъ, хозяинъ, а другимъ — барыня. Вотъ по управленію вотчинами своими и мариночкиными ты властенъ и я не вмѣшиваюсь, только развѣ когда совѣтъ какой дамъ, да и тѣмъ моимъ совѣтамъ ты никогда не слѣдуешь. И тебѣ слѣдовало-бы въ дѣлахъ хозяйственныхъ, что касается домашняго обихода, оставить меня самое одну и орудовать. Нашла я подходящую дѣвушку для хозяйства — и тебѣ-бы не слѣдъ мнѣ перечить. Какое тебѣ до этого дѣло? Такая-ли, сякая-ли будетъ бѣгать по подваламъ да по кладовымъ, выдавать провизію да мѣрить холстъ.

Князь глубоко вздохнулъ, какъ-бы рѣшаясь на нѣчто очень мудреное, хотя-бы прыгнуть и окунуться въ холодную воду.

— Такъ вотъ что я скажу, матушка Елизавета Петровна. Непріятно мнѣ, да и, скажу, зазорно говорить объ этомъ предметѣ, но сама ты меня понуждаешь. Есть у насъ въ домѣ дѣвушка Файка, которую я купилъ, не помню когда и какъ, не помню зачѣмъ. А потомъ, стало быть, пришлось мнѣ, не помню почему, съ ней раза два-три бесѣдовать. Она, нахальная дѣвка, изъ этого не вѣсть что вообразила и недавно мнѣ грубо отвѣтила на какое-то мое простое слово. Вотъ и надо мнѣ ее сейчасъ-же за это гнать вонъ изъ дому.

— Нахально отвѣтила? — повторила княгиня съ серьезнымъ лицомъ и только глаза ея смѣялись.

— Да, именно, дерзко огрызнулась.

— Изъ-за того, что ты съ ней три раза бесѣдовалъ?

— Да, матушка.

— Вотъ то-то, князь Андрей Григорьевичъ, — вдругъ окрысившись, заговорила княгиня такимъ голосомъ, какъ-будто рычала. — Вотъ если-бы ты никогда съ крѣпостными дѣвушками эдакихъ особыхъ бесѣдъ не велъ, то онѣ на тебя и не огрызались-бы.

И княгиня важно вышла изъ комнаты.

XXVI.

Лисафа была слишкомъ умна и хитра и уже давно имѣла слишкомъ большое вліяніе на ограниченную, а въ извѣстномъ отношеніи и глупую женщину-княгиню, чтобы не добиться своего. Подъ вліяніемъ совѣтовъ и цѣлыхъ розсказней, благодаря большому краснорѣчію, она, наконецъ, убѣдила княгиню, что выдумать что-либо лучшее, чѣмъ бракъ ея Абрама съ молоденькой Зоричъ, ничего нельзя.

— Онъ будетъ въ полной власти у васъ съ княземъ, — говорила Лисафа. — Вѣдь, онъ такъ только, на видъ буянъ, а онъ не злой и послушный. Что когда начудитъ, сейчасъ у меня прощенія проситъ, а князя и васъ онъ прямо, можно сказать, боготворитъ. Лучшаго жениха во всей Москвѣ не найдете. Что касается нрава, скромности и доброжелательности и что онъ — не важный дворянинъ, такъ это все пустое. Теперь онъ — Башкировъ, приживальщикъ у васъ въ домѣ, а будутъ у него свои палаты въ Москвѣ да будетъ онъ давать пиры, вотъ какіе князь даетъ, то будетъ онъ — важный дворянинъ Башкировъ, одинъ изъ первыхъ въ Москвѣ. А что касается до всѣхъ этихъ дѣловъ, всѣхъ этихъ вотчинъ Маріанны Павловны, то прямо скажу за него и за себя съ мужемъ: половину пускай князь оставляетъ себѣ, а половину дастъ молодымъ. На это никто въ Москвѣ изъ всѣхъ дворянъ не пойдетъ.

Сначала подобнаго рода планъ показался княгинѣ совершенно невозможнымъ, потомъ онъ сталъ казаться ей возможнымъ, удобоисполнимымъ, понемножку она привыкла къ мысли, и дѣло это казалось ей отличнымъ.

Дѣйствительно, во всей Москвѣ трудно было-бы найти какое-нибудь дворянское семейство, которое согласилось-бы подарить половину состоянія невѣсты. Всякій сталъ-бы искать какое-нибудь другое средство, болѣе выгодное. Пожалуй, соблазнятъ дѣвушку при помощи ея хитрой нянюшки Патрикѣевны да обвѣнчаютъ самокруткой. Не одна Лисафа, а и другіе пугали и князя, и княгиню бракомъ-самокруткой. Подобные случаи повторялись сплошь и рядомъ и въ особенности часто повторялись они съ тѣми дѣвицами, которыя были сиротами и подъ опекой. Разъ обвѣнчается Мариночка тайнымъ образомъ, то уже развѣнчать нельзя. И пожалуйте, отдавайте ей ея состояніе.

Когда княгиня сообщила однажды мужу о своемъ планѣ, чтобы выдать Мариночку за Башкирова и отдать ей только половину состоянія, то князь отнесся къ дѣлу очень добродушно и сказалъ:

— Оно совсѣмъ хорошо, надо будетъ объ этомъ всячески подумать, а, главное, посовѣщаться съ Миничемъ, какую надо писать бумагу, чтобы эти Башкировы потомъ не отказались отъ своихъ словъ.

— Они не откажутся, — заявила княгиня.

— Да, это такъ ты сказываешь. Михаилъ Михайловичъ — человѣкъ прямой, а вотъ твоя Лисафа хитрая, что ни говори, а самъ ея сыночекъ, Абрашка — прямой Ванька-Каинъ. Я его почитаю такимъ, что онъ не то, что украсть, а и зарѣзать можетъ. Съ такими людьми дѣла такія вести, надо держать ушки на макушкѣ. И пойдетъ-ли еще за него Мариночка? Мнѣ что-то сдается, что онъ ей совсѣмъ не любъ. Объявить ей бракъ съ нимъ, она, пожалуй, какъ я говорю, убѣжитъ изъ дому. Вотъ и лови ее. Но все-таки я объ этомъ подумаю.

У князя были въ Москвѣ два друга, съ которыми онъ всегда совѣщался во всѣхъ важныхъ вопросахъ, и никогда еще не было примѣра, чтобы ему посовѣтывали что-нибудь худое. Напротивъ, одинъ изъ нихъ, по фамиліи Заблоцкій, часто оказывался удивительнымъ выдумщикомъ, предлагалъ и совѣтывалъ князю такое, что когда князь исполнялъ и говорилъ, что онъ самъ это надумалъ, то въ Москвѣ ахали, настолько было ловко и хитро задумано.

Поговоривъ однажды подробно съ другомъ Заблоцкимъ, князь пріѣхалъ поздно ночью домой и приказалъ Савелію на другое утро доложить княгинѣ, которая вставала гораздо раньше его, что когда князь проснется, то сейчасъ придетъ къ ней на половину и разскажетъ ей чудесныя дѣла.

Дѣйствительно, на другой день, рано поднявшись, княгиня узнала, что мужъ готовитъ ей какую-то пріятную новость.

Уже часовъ въ десять поднялся и князь Андрей Григорьевичъ, веселый и даже особенно радостно настроенный. Онъ отправился къ женѣ, расцѣловался съ ней какъ-то торжественно, точно въ Свѣтлый праздникъ похристосовался, сѣлъ въ кресло противъ нея и выговорилъ:

— Ну, матушка княгинюшка, дорогая Елизавета Петровна, скажу я тебѣ, что важнѣйшее дѣло я почти порѣшилъ. Такое дѣло, что ты вотъ сейчасъ привскочишь, а, можетъ быть, и противорѣчить будешь, а потомъ согласишься и увидишь, что дѣло самое чудесное, какое можно только придумать.

— Ты его самъ придумалъ?

— Ну, вотъ ужъ начала. Позволь, скажу — не самъ.

— То-то. Потому что если ты самъ надумалъ, то толка не жди.

— Ты вѣчно меня, матушка, обижаешь. Ну, да Богъ съ тобой. Слушай! Придумалъ не я, а Заблоцкій. И такое придумалъ, что я сначала одурѣлъ, потомъ началъ шарахтаться, какъ испуганный конь, началъ вертѣться на мѣстѣ, а потомъ понемножку все сообразилъ и ахнулъ: умнѣе умнаго, хитрѣе хитраго, забористѣе самаго забористаго.

— Да ну говори, не тяни,—отозвалась княгиня.

— Ну, вотъ въ короткихъ, матушка, словахъ. Выдамъ я замужъ Мариночку, и тянуть не буду, а поскорѣй. Только дѣло-то такое, что его скоро не сдѣлаешь; если и спѣшить буду, то все-таки годъ протянется.

— Вотъ тебѣ и разъ, и скоро! Годъ цѣлый! — выговорила княгиня.

— Что дѣлать? Ты послушай, сама поймешь. Поѣду я въ Петербургъ хлопотать и до царицы дойду. Буду я ее просить о дѣлѣ законномъ. Скажу я, что я, князь Андрей Григорьевичъ Ягузинскій, послѣдній въ роду: дѣтей у меня нѣтъ, со мной, конечно, кончается и древній родъ россійскій князей Ягузинскихъ. Цари должны соблюдать россійскіе дворянскіе старые роды и всячески имъ быть въ помощь. Вотъ я и скажу, что прошу я разрѣшенія усыновить человѣка, и не чужого, а такого, который, если-бы не несчастный случай, былъ-бы княземъ Ягузинскимъ. Разскажу, что за человѣкъ у меня въ домѣ Никита Узинскій, и буду челомъ бить царицѣ дозволить мнѣ его усыновить.

Княгиня разинула ротъ.

— Удивилась, матушка?

— Вѣстимо! Потомъ-то что-же?

— А что потомъ?

— Да выгода-то какая-же тебѣ?

— Выгода? А вотъ изволишь видѣть, выгода большущая. Позову я Анну Тихоновну къ себѣ, а такъ какъ она — женщина подшибленная, то позову и ея брата, а онъ — человѣкъ здравомыслящій. Съ Никушей, конечно, объясняться не стану, онъ, почитай, отрокъ. Спасибо, добрый да сердечный, а въ дѣлахъ, конечно, ничего не смыслитъ, и съ нимъ нечего и толковать. А вотъ съ его дядюшкой мы и побесѣдуемъ. И вотъ я имъ и скажу: „хотите вы, чтобъ Никита вашъ сталъ княземъ Ягузинскимъ?“. Что они, по-твоему, отвѣтятъ?

— Ну, ну, говори-же! — нетерпѣливо воскликнула княгиня.

— Ну, вотъ давайте, скажу, по рукамъ: будетъ Никуша княземъ Никитой Григорьевичемъ Ягузинскимъ и станетъ онъ богачемъ. Женю я его на Мариночкѣ. Только съ тѣмъ условіемъ, чтобы они насчетъ всѣхъ вотчинъ Мариночки...

— Ну, и мое почтеніе! — произнесла княгиня. — Тѣхъ-же щей да пожиже влей. Я думала ты и въ самомъ дѣлѣ что-нибудь придумалъ, а ты—попросту дуракъ. Да, вѣдь, я-же тебѣ предлагала отдать ее за Абрама. За Башкировыхъ я отвѣчаю. И безъ всякихъ хлопотъ, и безъ всякихъ попрошайничествъ въ Питерѣ, и безъ всякаго новаго князя Ягузинскаго, который ни на что тебѣ не нуженъ. Помрешь ты, будешь ты послѣднимъ княземъ Ягузинскимъ или не послѣднимъ, лежа-то на кладбищѣ, какое тебѣ до этого дѣло? Съ чего-же ты на мое простое дѣло не согласился, а теперь выискалъ самое пустое, а въ концѣ концовъ послѣ хлопотъ выходитъ все то-же. За Башкировыхъ я отвѣчаю, а за Антона Тихоновича Завьялова, человѣка упрямаго, все на свой салтыкъ порѣшающаго, отвѣчать нельзя. И мое измышленіе, и твое измышленіе, все, видно, то-же. Только мое-то безъ хлопотъ и безъ всякихъ чудесныхъ колѣнъ, а ты вотъ выдумалъ мудреное колѣно. Усыновлять да новаго князя Ягузинскаго выдумывать, а въ концѣ концовъ все то-же.

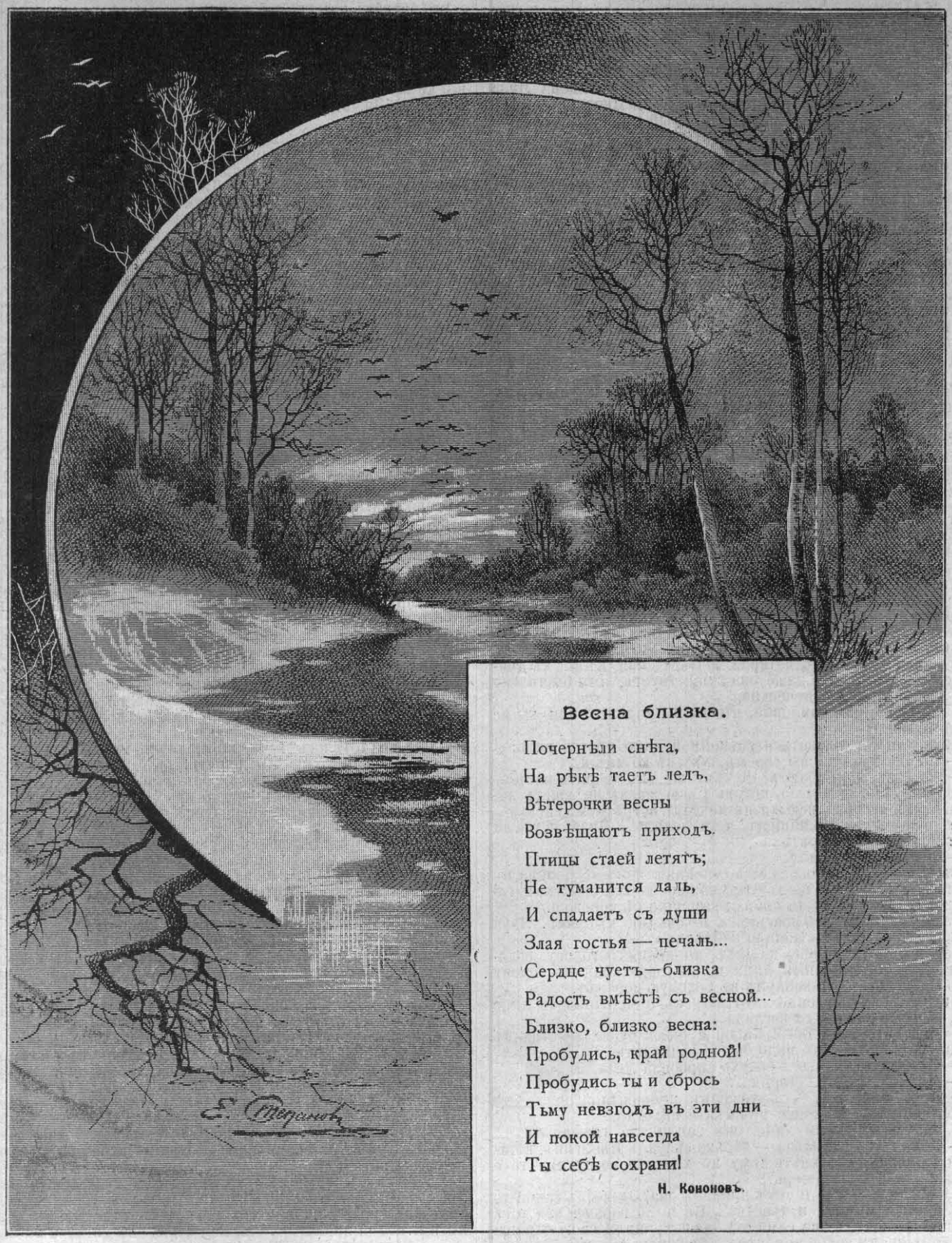
— Анъ, вотъ и не то-же!—воскликнулъ князь.— Ты вотъ завсегда не дашь договорить, да и осуждаешь. Совсѣмъ не то-же. Дай досказать.

— Какъ не то-же? Говорю тебѣ: тѣхъ-же щей да пожиже влей.

— Нѣтъ, извини, щи, да другія, погуще. Ты, княгинюшка, меня лучше выслушай. Сдѣлаю я, съ разрѣшенія царицы, князя Ягузинскаго, выдамъ я за него замужъ Мариночку, онъ — мой родной племянникъ и будутъ жить у меня въ домѣ. А она будетъ не простой бабой-молодухой, а будетъ опять-таки моей племянницей по мужу. Поняла?

— Поняла. Ну, что-же изъ этого, что она будетъ племянницей?

(Продолженіе будетъ.)



НАЧАЛО ВЕСНЫ. Ориг. рис. **Е. Степанова**.

Къ одной цѣли.

Повѣсть Т. Н. Власовой. (Окончаніе.)

XII.

Была окончена диссертація. Иволгинъ уже получилъ отпускъ, чтобы ѣхать въ Петербургъ; но раньше ему надо было выяснить отношенія къ Лизѣ. Эта любовь не давала ему покоя. Послѣ смерти Якова Лиза какъ-будто успокоилась, по крайней мѣрѣ, съ Иволгинымъ она не заговаривала о томъ вопросѣ, который заронилъ сомнѣніе въ его сердцѣ. Она будто попрежнему интересовалась и его дѣломъ, но онъ чувствовалъ, что это—уже не то. Во всякомъ случаѣ, уѣхать такъ онъ не могъ; неувѣренность въ согласіи Лизы быть его женою заставляла его даже отвлекаться отъ любимаго дѣла. Теперь онъ рѣже встрѣчался съ Лизой.

У Рудневыхъ подъ предлогомъ множества занятій онъ почти совсѣмъ не бывалъ. Онъ чувствовалъ себя виноватымъ предъ Вѣрой и это злило его; тщательно провѣряя свои къ ней отношенія, онъ не находилъ въ нихъ ничего похожаго на ухаживанье и все-таки ощущалъ въ душѣ шероховатость и недовольство собою. Поэтому онъ радъ былъ своему отъѣзду и только отвѣтъ Лизы задерживалъ его здѣсь. Уже два раза встрѣчался онъ съ нею и она будто намѣренно уклонялась отъ разговора.

И сегодня Иволгинъ, заѣхавъ изъ деревни къ нимъ, нашелъ ее въ саду съ Володей.

Пославъ ребенка съ какимъ-то порученіемъ къ нянѣ, онъ просилъ Лизу сѣсть и выслушать его.

— Вы догадываетесь, конечно, о чемъ я буду говорить съ вами?—началъ онъ неловко, дрожащимъ голосомъ.

Въ лицѣ Иволгина Лиза опять увидала то виноватое выраженіе, которое и сердило, и подкупало ее. Ей стало его опять жаль. Она хотѣла попросить его не портить ихъ хорошихъ отношеній... Она знала, о чемъ онъ сейчасъ будетъ говорить ей, и жалѣла, что этотъ умный, хорошій, честный человѣкъ полюбилъ ее, а не кого-либо другого... хоть Анну... или Вѣру. Одно ея слово можетъ дать ему счастье, а именно этого слова у нея для Иволгина нѣтъ...

Иволгинъ взволнованно говорилъ ей, но Лиза даже не слушала его словъ, думая о своемъ, и только дрожащіе звуки его голоса скользили по ея слуху... Его признаніе смущало, но не трогало ея... Или выдти за него и тѣмъ отрѣзать себѣ путь къ мечтамъ?.. Нѣтъ, это нечестно! Хотя, можетъ быть, той идеальной любви, о которой мечтаетъ она, и нѣтъ въ дѣйствительности, но если даже она существуетъ, хотя бы только въ ея воображеніи, то нечестно...

— Елизавета Михайловна, что-же вы молчите? или вы не слушаете меня?

Лиза, стараясь казаться спокойной, тихо проговорила:

— Вы ошибаетесь въ своемъ чувствѣ ко мнѣ и...

— Кто? я?.. я ошибаюсь? Но чѣмъ-же мнѣ увѣрить васъ?.. Вообразите себѣ человѣка, который всю жизнь не зналъ ласки матери и сестры... всю жизнь мечталъ встрѣтить женскую... живую душу и теперь нашелъ, чего искалъ... Лиза! неужели вы не можете мнѣ вѣрить?..

— Я вѣрю вамъ, но...

Въ концѣ аллеи показалась стройная фигура Дорина въ бѣломъ кителѣ. Онъ шелъ задумчиво, слегка опустивъ голову и кончикомъ хлыста сбивая камешки съ дорожки.

Взволнованная объясненіемъ и своими мыслями, Лиза увидѣла его и вдругъ страшно поблѣднѣла.

Доринъ почти дошелъ до нихъ, но поднялъ голову, вглядѣлся въ ихъ смущенныя лица и, на-ходу склонивъ голову предъ Иволгинымъ, повернулъ въ боковую дорожку.

Иволгинъ напряженно смотрѣлъ въ помертвѣвшее лицо Лизы, въ направленіи ея взгляда...

— Простите, ради Бога! Какой я былъ дуракъ!—стономъ вырвалось у него.—Это надо было предвидѣть...

— Предвидѣть?.. что? — глухо спросила Лиза.

— Что вы любите... Дорина!..

— Это — неправда! — съ ужасомъ прошептала она. — Это не должно быть!.. Молчите! не смѣйте никогда...

И, закрывъ руками лицо, она заплакала тяжело, тихо...

— Если это — неправда, — горько сказалъ Иволгинъ, вставая и стараясь вздохнуть (ему не хватало воздуха),—то о чемъ-же плачете вы теперь?..

Развѣ Лиза знала, о чемъ плакала она? Это былъ какой-то хаосъ новыхъ мыслей и чувствъ... Ей было горько, что тотъ уголокъ сердца, гдѣ она сама отъ себя хранила свою страшную тайну, былъ грубо обнаженъ, что теперь каждымъ своимъ словомъ она заставитъ еще сильнѣе страдать этого несчастнаго человѣка... А на ея долю никогда, никогда не выпадетъ счастливыхъ мгновеній взаимной любви...

Прошло нѣсколько тяжелыхъ минутъ. Лиза уже не плакала, она сидѣла, опустя голову, боясь взглянуть на Иволгина.

— Елизавета Михайловна!—обратился онъ къ ней, пройдя нѣсколько разъ предъ скамейкой, чтобы утишить свое волненіе,—неужели вы во все время нашего знакомства не замѣтили моего чувства къ вамъ?—Слова выходили надтреснутымъ звукомъ изъ его горла.—Зачѣмъ раньше вы не отняли у меня надеждъ?

Лиза подняла на него теперь свои печальные, честные глаза.

— Вѣрьте мнѣ, Николай Петровичъ, я въ вашемъ отношеніи ко мнѣ долго не замѣчала никакихъ намѣреній... Лишь недавно... Да, вѣдь, и оно мнѣ могло показаться... Я считала васъ за друга...

— За друга?.. Почему-же никогда ни словомъ, ни взглядомъ не дали вы мнѣ понять, что вы любите... другого?..

— Я этого не знала раньше,—съ недоумѣніемъ и тоской правдиво выговорила Лиза.—Лишь сейчасъ я поняла...

— Значитъ, своимъ признаніемъ я вызвалъ ваше чувство на реальную почву,—вполнѣ уже овладѣвъ собою, какъ-будто иронизируя надъ своей неудачей, сказалъ Иволгинъ.—Хотя къ чему-либо оказался годенъ!..

Онъ взялъ руку Лизы и поцѣловалъ.

— Прощайте и простите... Больше не увидимся...

Опустя голову, Иволгинъ пошелъ къ садовой калиткѣ, гдѣ его ждала лошадь. Всѣ его планы разлетѣлись, какъ дымъ. Одинокій, всѣмъ сердцемъ онъ могъ отдаться наукѣ.

Лиза еще долго сидѣла тамъ — Володя забылъ о своемъ порученіи,—недоумѣвая, что происходитъ въ ея душѣ. И жутко ей было, и радостно... Не то страшная тяжесть навалилась ей на сердце, не то тамъ птицы пѣли...

XIII.

Доринъ верхомъ подъѣзжалъ къ «Зарѣчью» съ какимъ-то непріятнымъ осадкомъ въ душѣ. Опустивъ поводья, онъ предоставилъ своему «Мачъ-Боксу» шагать, гдѣ ему угодно. Было жарко. Въ воздухѣ даже чувствовалась лѣнь; его струи вяло и сонно двигались, не освѣжая легкихъ. Трещали лишь взапуски неутомимые кузнечики. Гдѣ-то тоже лѣниво отбивали косу.

Взволнованный видъ Иволгина и Лизы сказалъ Дорину, что между ними происходитъ объясненіе... Онъ вспомнилъ горячность Руднева и задумался, улыбаясь... Да, Лизѣ можно смѣло вручить свою жизнь... Онъ почти завидывалъ Иволгину въ его молодомъ, чистомъ счастьѣ...

— Какое мнѣ дѣло до всего этого!—громко выговорилъ онъ, чтобы заглушить свои мысли.—Еще два-три мѣсяца, и я буду далеко, а пока Кити и ея любовь...

Онъ уже подъѣхалъ къ самому саду Зарѣцкой. Въ полѣ за садомъ трое мальчишекъ пасли лошадей. Онъ спрыгнулъ съ сѣдла, подозвалъ ихъ и, давъ имъ нѣсколько монетъ, попросилъ присмотрѣть за лошадью.

Ему не хотѣлось идти по солнечному припеку. Прямо черезъ заросли сада онъ дойдетъ до балкона, гдѣ Кити, по обыкновенію, занимается dolce far niente *)...

Доринъ перешагнулъ черезъ разрушенный заборъ, изъ котораго и крестьяне, и арендаторъ таскали доски для разныхъ подѣлокъ.

Подъ сводами вѣковыхъ деревьевъ было мрачно и пахло плѣсенью. Березки, случайно выросшія между вязами, тополями и кленами, бережно насаженными прежними владѣльцами, тянули въ просвѣты свои бѣлые малокровные стволы; крапива, болиголовъ, кое-гдѣ малина заполонили все пространство; прошлогодняя листва гнила подъ ногами. Дорину невольно почудилось что-то общее между этимъ садомъ и безпорядочной жизнью Зарѣцкой, но онъ сейчасъ-же съ негодованіемъ отбросилъ эту мысль... Вѣдь, въ этомъ разореніи виноватъ ея мужъ...

Сейчасъ онъ увидитъ ее, услышитъ ея чарующій голосъ...

Голосъ Кити, но далеко не съ чарующей интонаціей, раздался гдѣ-то совсѣмъ близко, какъ показалось Дорину, изъ полуразрушенной закрытой бесѣдки, доверху заросшей хмелемъ. Онъ повернулъ туда. Ей отвѣчалъ мужчина нетерпѣливо, раздражительно, рѣзко... Говорили по-французски.

— Это, кажется, зашло уже слишкомъ далеко,—сказалъ мужчина.

— И дойдетъ, надѣюсь, до благополучнаго конца, если ты не вздумаешь все испортить своимъ дурацкимъ вмѣшательствомъ!

Доринъ съ трудомъ узнавалъ этотъ вульгарный тонъ и голосъ. Мысль, что онъ подслушиваетъ, была ему тяжела и противна, но этотъ моментъ освѣщалъ отношенія къ нему Кити и все ея прошлое... Сжимая зубы, онъ остался на мѣстѣ.

— Я не желаю этого! слышать не хочу!—раздалось снова.

Въ гнѣвѣ слышались звуки мольбы.

— Мало-ли чего не хотѣла я? О чемъ ты думалъ раньше?.. Мнѣ надоѣла жизнь съ вѣчными долгами... Мнѣ нужны средства!

*) Собственно, пріятнымъ ничегонедѣланіемъ.

— И красивый мужъ въ придачу? — язвительно сказалъ мужчина.

— Объ этомъ я не заботилась... Конечно, красивый лучше... А онъ очень красивъ! — вызывающее кончила она.

— Кэтъ! — голосъ мужчины дрожалъ и срывался. — Кэтъ, дорогая, скажи ты, любишь меня попрежнему? кумиръ мой, моя любовь! Брось его... Я украду, убью... все, что хочешь..

Вся кровь прихлынула къ головѣ Дорина.

И голосъ Зарѣцкой прозвучалъ уже знакомыми Дорину и звуками, и словами:

— Я люблю... только тебя!..

Доринъ рванулъ дверь. Она хрустнула въ заржавленныхъ петляхъ и отлетѣла въ сторону. Мужчина не русскаго типа, итальянецъ или южный французъ, держалъ въ объятіяхъ Кити. Она замерла подъ жаркими поцѣлуями его яркаго, чувственнаго рта. При появленіи Дорина оба вздрогнули. Кити вырвалась изъ его рукъ и съ крикомъ упала.

— Не старайтесь играть комедію, — сказалъ ей глухо Доринъ, блѣдный, какъ мертвецъ. — Я все слышалъ...

— Вы подслушивали! — прошипѣлъ мужчина. — Это подло!

— Негодяй!

Рѣзкій звукъ прорѣзалъ воздухъ. Въ сильной рукѣ Дорина хлыстъ опустился, оставивъ жгучій слѣдъ на красивомъ лицѣ иностранца. Тотъ злобно взвизгнулъ, бросился къ Дорину, но Кити, рыдая, повисла на его рукахъ.

Доринъ вышелъ, не оборачиваясь, бросилъ хлыстъ въ кусты и нетвердой походкой пошелъ тѣмъ-же путемъ. Онъ перешагнулъ черезъ заборъ и взялъ поводья изъ рукъ мальчика.

— Баринъ! кнутъ потеряли! — сказалъ мальчикъ, смотря въ «сердитое» лицо офицера и давая себѣ слово непремѣнно отыскать тотъ «важнецкій» кнутъ.

Не говоря ни слова, Доринъ отъѣхалъ и сейчасъ-же пустилъ лошадь рысью. Скорѣе прочь отъ этой грязи! А онъ такъ вѣрилъ этой женщинѣ, вѣрилъ каждому ея слову!.. Какая мерзость! Рудневъ зналъ объ ея прошломъ, вѣрно, какъ знали и многіе... Вотъ ея «чистое» прошлое! Вотъ какой «честной» любви жаждетъ она! Онъ злобно расхохотался. Дать себя провести, какъ мальчишкѣ! Оскорбленное самолюбіе, гнѣвъ, презрѣніе наполняли его сердце, но любовь отошла. Ревновать Кити ему не приходило въ голову... Животное бѣшенство изъ-за животнаго обладанья было ему рѣшительно чуждо и непонятно...

Вернувшись домой, Доринъ приказалъ приготовить къ вечеру лошадей и заперся въ своемъ кабинетѣ. На какой-то вопросъ денщика онъ такъ накричалъ на него, что тотъ сразу не могъ придти въ себя и долго стоялъ за дверью, почесывая голову и недоумѣвая, что сталось съ его всегда добрымъ, спокойнымъ офицеромъ.

Уже предъ отъѣздомъ Дорину принесли письмо отъ Зарѣцкой. Онъ ожидалъ письма — Кити не сдавалась такъ легко. Оно будто ожгло ему руки...

Отвѣтить было надо: надо покончить разъ навсегда. Иначе она не оставитъ его своими письмами.

«Между нами не можетъ быть ни вопросовъ, ни недоразумѣній, — писалъ онъ. — Все ясно. Моя любовь вамъ не нужна — да ея уже и нѣтъ во мнѣ. Жениться на васъ теперь было-бы смѣшно. Больше вамъ я ни на что не нуженъ. Прошу васъ мнѣ не писать. Всякое ваше письмо вызоветъ отвѣтъ, оскорбительный для васъ. Доринъ.

P. S. Вопросъ о дуэли васъ не долженъ касаться. Если вашъ любовникъ — джентльмэнъ, онъ сумѣетъ меня найти».

Черезъ нѣсколько дней Зарѣцкая «съ французомъ», какъ пояснила дочка арендатора, уѣхала «за границу». Чутьемъ догадавшаяся о какой-то исторіи, она, не стѣсняясь, украсила ее плодами своей неистощимой фантазіи и долго, къ своему удовольствію, служила предметомъ вниманія и разспросовъ со стороны сосѣдей. Принявъ самые небывалые размѣры, эти разсказы дошли и до Рудневыхъ, и до Лизы, но, они точно сговорившись, никогда не заикались о Зарѣцкой. Рѣшительную пользу изъ всего случившагося извлекъ арендаторъ-«міроѣдъ», заключивъ договоръ о продолженіи аренды на самыхъ выгодныхъ для себя условіяхъ, которыя Зарѣцкая сгоряча подписала, не читая.

XIV.

Алексѣй Николаевичъ усиленно хлопоталъ о своемъ переводѣ въ дѣйствующую армію и былъ наканунѣ назначенія. Лизу, по просьбѣ Рудневыхъ, онъ оставлялъ съ дѣтьми на зиму въ имѣньѣ. Для него въ случаѣ отъѣзда это было тоже удобно. Въ деревенскомъ домѣ стучали плотники, поправляли полы, двери, вставляли рамы, вообще устраивались на зиму. Былъ уже конецъ сентября. Стояли хорошіе, солнечные, хотя холодные дни. Доринъ съ іюля не показывался въ деревнѣ, и Лиза мучилась, не зная, что съ нимъ и какой конецъ имѣла вся исторія съ Кити. Доринъ писалъ очень рѣдко и коротко.

Лиза, по совѣту Руднева, нашла себѣ маленькое дѣло. Съ согласія Алексѣя Николаевича, она помѣстила въ домѣ двухъ солдатокъ съ дѣтьми изъ семьи умершаго Якова. Тамъ не хватало хлѣба на столько ртовъ; холодное дождливое лѣто уродило плохо. Бабамъ предложили за плату работать въ хозяйствѣ, помѣстили ихъ въ просторной избѣ, а шесть рыхъ ребятишекъ, въ томъ числѣ и свою бѣлоголовую любимицу, няня и Лиза обмыли и обшили. Изъ разнаго стараго найденнаго въ домѣ платья и изъ дешеваго матеріала, купленнаго изъ денегъ, съэкономленныхъ на хозяйствѣ, Лиза шила кофточки, платьица, вязала чулочки и носила все это въ деревню. Наступили морозы и ей просто страшно было смотрѣть, какъ ребятишки чуть-ли не голые выбѣгали на улицу.

Наконецъ, на нѣсколько дней пріѣхалъ и Доринъ. [illegible] своей «скитальческой» холостой жизни, онъ былъ «[illegible] счастливъ» очутиться въ семьѣ, съ дѣтьми, въ домѣ, гдѣ все было приноровлено къ его привычкамъ.

Доринъ разсказалъ, что на-дняхъ привезли Кроткова. Ему снарядомъ оторвало ногу; пришлось отнять ниже колѣна.

— Какъ странно и страшно видѣть его калѣкой!.. Давно-ли онъ такъ весело собирался на войну?.. Съ такими надеждами!.. Онъ не хочетъ показать, какъ ему тяжело, да не можетъ выдержать... Когда я къ нему пришелъ въ первый-же день по пріѣздѣ, онъ сталъ мнѣ весело говорить о разъѣздахъ, стычкахъ и вдругъ заплакалъ...

— Хорошо, что онъ не женился тогда, — сказала Лиза, думая объ Аннѣ.

— Да, конечно! это тяготило-бы Анну. Она такая капризная, избалованная... да и безсердечная какая-то... Раньше мнѣ казалось, что Кротковъ ей нравится, но потомъ это полное равнодушіе... Помните?

— Не потому!

Лиза все хотѣла разсказать Дорину, но сдержалась. Мало-ли какія перемѣны могли произойти въ сумасбродной головѣ и капризномъ сердцѣ Анны въ это время? И еще какая-то необъяснимая деликатность удерживала ее говорить съ Дориномъ о любви теперь, послѣ его печальнаго романа...

Лиза приготовляла въ столовой чай, а Алексѣй Николаевичъ, ожидая, пока его позовутъ, сидѣлъ съ дѣтьми въ гостиной рядомъ. Володя умостился въ креслѣ рядомъ съ отцомъ. Онъ цѣлый день думалъ объ оторванной ногѣ «дяди Володи».

— Папа, а это очень больно?

— Что, голубчикъ?

Доринъ не понялъ сразу, о чемъ спрашиваетъ сынъ.

— Когда ногу оторвутъ?..

— Да, конечно, больно.

И, встрѣтивъ страдающій взглядъ ребенка, отецъ хотѣлъ отвлечь его отъ этой мысли и сталъ смотрѣть альбомъ. Глаза жены, унаслѣдованные Соней, глянули на него съ портрета. Онъ глубоко вздохнулъ и задумался.

— Вы помните маму? ты, Володя?

— Нѣтъ не помню, — сначала отвѣтилъ мальчикъ и, помолчавъ, прибавилъ: — чуть-чуть... Вотъ она.

— А вы-бы хотѣли новую маму?

— Какую? — особенно заинтересовалась Соня.

— Ну... красивую, молодую, добрую...

Лиза вся обратилась въ слухъ. Ея руки дрожали. Онъ хочетъ жениться! Можетъ быть, все-таки на Зарѣцкой?..

— Послушай, папа, это, вѣрно, Лиза — серьезно сказала Соня, старательно приподнимаясь на широкихъ кончикахъ своихъ желтыхъ башмачковъ, чтобы посмотрѣть погоны отца.

«Глупая дѣвочка!» — кажется, первый разъ въ жизни разсердилась на нее въ душѣ Лиза.

Ей показалось, что Алексѣй Николаевичъ засмѣялся.

«На такую глупость только и можно, что разсмѣяться»...

Уши Лизы загорѣлись отъ стыда и она вышла изъ комнаты.

— А если нѣтъ, стрекоза?

— Тогда не надо, — категорически отрѣзала Соня. — У насъ Лиза. Знаешь, папа, Павликъ зоветъ ее мамой...

Володя молчалъ. Въ его душѣ происходилъ мучительный процессъ.

— Папа, милый, а вдругъ и тебѣ ногу оторвутъ на войнѣ? — со слезами воскликнулъ онъ.

— Не оторвутъ, дастъ Богъ!

Доринъ всталъ и взялъ ихъ за руки.

— Пойдемте-ка пить чай. Лиза, вѣрно, ждетъ.

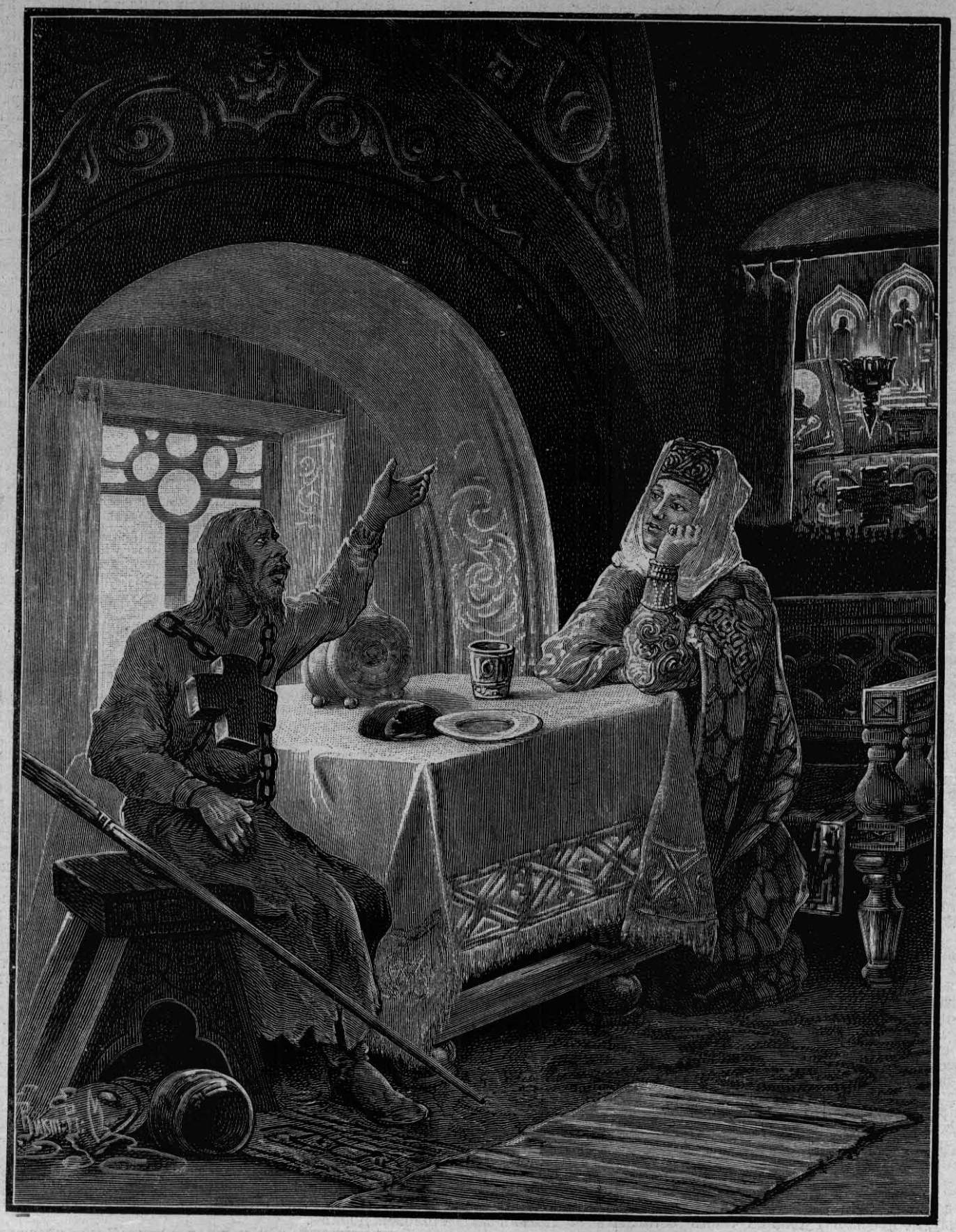
— Знаешь, папа, ты спрячься за пушку! — припрыгивая и вися на рукѣ отца, сказала Соня.

— Слышите, Лиза, что мнѣ Соня совѣтуетъ? — смѣялся въ столовой Доринъ.

Дѣти напились чаю и ушли спать. Лиза, уложивъ ихъ, вернулась въ столовую и еще долго говорила съ Доринымъ.

«Она удивительно развилась и физически, и умственно, — думалъ онъ, глядя на ея прекрасное лицо, чистый профиль и длинную косу, придававшую ей своеобразную юную прелесть. — Вѣрно, много думала, читала и... чувствовала. Уже не Иволгинъ-ли разбудилъ ея умъ и... чувство? — досадливо мелькнуло въ его головѣ.

Онъ не спросилъ Лизы до сихъ поръ, въ какихъ отноше-



ЮРОДИВЫЙ ДОМЕТІАНЪ У СУПРУГИ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ВАСИЛІЯ III.
Оригин. рис. **В. Муйжеля**; гравир. для „Родины“ **Б. Пуцъ**.

Третьяковская галлерея въ Москвѣ. **ЗА ЧИСТКОЙ КАРТОФЕЛЯ.**
Съ картины **В. Маринича** гравир. для „Родины“ **В. Адтъ.**

ніяхъ разсталась она съ Иволгинымъ. Вѣдь, объясненіе между ними было въ тотъ самый день, когда... Съ тѣхъ поръ онъ и не былъ здѣсь.

Лиза проходила мимо него, подбирая дѣтскія игрушки Доринъ слѣдилъ за ней глазами. Легкій ароматъ духовъ отъ ея платья захватывалъ ему дыханіе.

Лиза подняла на него глаза и смутилась, замѣтивъ его странный взглядъ.

— Теперь я пойду къ себѣ. Вамъ больше ничего не надо?— спросила Лиза, протягивая ему руку.

— Ничего.

Доринъ слегка задержалъ ея руку, затѣмъ отпустилъ какъ-бы съ сожалѣніемъ и спросилъ:

— А когда-же ваша свадьба, Лиза?

— Моя? съ кѣмъ?

Она вспыхнула и въ замѣшательствѣ перебирала свою косу.

— Съ Иволгинымъ, конечно?

— Почему «конечно»? Этого не будетъ.

— Не будетъ? Развѣ онъ — дурной человѣкъ? — будто весело спросилъ Доринъ.

— Нѣтъ! честный, умный, дѣльный...

— Столько достоинствъ и вы не хотите идти за него?—улыбнулся онъ.

— Видите-ли, Алексѣй Николаевичъ,—тихо начала Лиза,— по-моему, еще мало признавать достоинства... чтобы выдти замужъ... Человѣка надо... надо... просто любить!

И, смутившись, она кивнула головкой и почти выбѣжала изъ комнаты.

««Просто любить». Да именно «просто» любить... Какъ это хорошо сказала Лиза и именно въ ея чистыхъ устахъ это имѣло такую прелесть»,—думалъ Доринъ, вставая, чтобы взять книгу (онъ всегда читалъ далеко за полночь).

Черезъ нѣсколько дней Доринъ уѣхалъ, обѣщая вернуться для окончательныхъ распоряженій, какъ только получится приказъ объ его переводѣ. Онъ уѣхалъ, недовольный, въ удрученномъ расположеніи духа. Бывали дни, когда его влеченіе къ домашнему очагу, къ семейной жизни сказывалось въ немъ съ болѣзненной остротою.

Рудневъ, по его просьбѣ, поѣхалъ съ нимъ погостить въ Петербургъ и сдѣлать нужныя закупки для себя и семьи Дорина.

XV.

Лиза обыкновенно читала и объясняла приходившимъ крестьянкамъ самымъ популярнымъ языкомъ телеграммы и военныя событія. Хотя эти объясненія часто доходили къ ней въ самой уже искаженной и невозможной редакціи, но это не отбивало у нея охоты говорить съ крестьянами о войнѣ. Ей очень нравились ихъ подчасъ остроумныя соображенія и заключенія.

Въ началѣ декабря ей подали вмѣстѣ съ газетой письмо, надписанное женскимъ ломаннымъ почеркомъ.

Просмотрѣвъ, нѣтъ-ли телеграммъ отъ Стесселя—Лиза съ особою болью и страхомъ слѣдила за судьбою Портъ-Артура —она открыла письмо.

«Анна». Это интересно! Лиза со вниманіемъ пробѣгала строки письма.

«Дорогая Лиза! Вамъ первой должна сообщить я свою радость; вѣдь, вы первая утѣшили и успокоили меня. Вы, вѣрно, слышали, что Володя вернулся въ Петербургъ безъ ноги. Я страшно обрадовалась... не тому, конечно, что онъ безъ ноги, а тому, что вернулся... Ей-Богу, Лиза, я плачу, когда думаю, что долженъ былъ онъ испытать, а только эта его рана и есть источникъ моего настоящаго счастья... Не возмущайтесь и читайте дальше... Какъ только его привезли и я узнала объ этомъ—у меня все уже было рѣшено раньше,—я, не обращая вниманія на слезы и обмороки мамы, на ужасъ папы и на стенанія миссъ—съ ней, по ея словамъ, чуть параличъ не сдѣлался,—поѣхала къ нему на квартиру, заперла предъ самымъ носомъ англичанки дверь, надѣла на себя бѣлый передникъ и объявила доктору, что буду ухаживать за раненымъ. Володя не протестовалъ, онъ только сначала смущался. Докторъ нѣсколько обезпокоился, но потомъ въ силу необходимости призналъ, что «все будетъ отлично». И выдержала-же я штурмъ со стороны мамы и миссъ! Сначала я еще объяснялась съ ними, выходя на лѣстницу, но потомъ все это мнѣ надоѣло и я велѣла денщику въ тѣ часы завязывать звонокъ. Хорошо, что Володя ничего этого не слыхалъ...

«Не думайте, Лиза, что я говорила ему что-нибудь такое... ни за что. Я просто, какъ сестра милосердія, читала ему, давала пить, звала денщика, принимала гостей — это, Лиза, было очень интересно и часто смѣшно—и помогала доктору дѣлать перевязки. Какой ужасъ—его нога! Можно отъ страха съума сойти! Но я казалась спокойной, даже докторъ меня хвалилъ. Надо ужасно любить человѣка или всѣхъ людей, чтобы идти въ сестры милосердія и видѣть всѣ эти ужасы... Я-бы не могла, пожалуй.

«Володя былъ все время ужасно сумрачный; его мучало сознаніе, что онъ—«калѣка». Я всѣми мѣрами старалась давать ему понять, что это ровно ничего не значитъ... Кажется, я ничего «такого» не говорила, ей-ей, а только его взглядъ дѣлался все довѣрчивѣе и нѣжнѣе. Помните, Лиза, я всегда говорила, что онъ не можетъ меня любить? Вчера онъ взялъ мою руку и сказалъ: «Анна! (Это въ первый разъ онъ назвалъ меня такъ.) Если-бы у васъ не было вашего милліона, я былъ-бы счастливый человѣкъ». — «Да его и нѣтъ», — сказала я, глядя ему въ глаза и думая, что это его опечалитъ. Видите, сколько во мнѣ было низости? развѣ я стою его любви?.. «Значитъ, я за васъ выйду»... — «Ни за что! моя нога»...—«Нечего вамъ печалиться, что у васъ нѣтъ ноги. Возьмите меня! я все-таки получше одной ноги»...—сказала я. «Я — калѣка». — «За это я васъ еще больше буду любить»... Все-таки, Лиза, вы этого, я знаю, не поймете... Не поймете, какъ пріятно имѣть мужемъ такого «калѣку»... Вы собираетесь выдти за штатскаго, а у нихъ все противныя болѣзни и ухаживать за ними совсѣмъ неинтересно... и никому вы не можете сказать: «мой мужъ—герой»... А Георгій-то?!. Ну, да это не для штатскихъ!..

«Потомъ, между смѣхомъ и поцѣлуями, я сказала все-таки Володѣ, что у меня еще очень много денегъ, но что я не придаю имъ никакой цѣны, если онѣ не помогли мнѣ привлечь его сердце. Своимъ счастьемъ я обязана вамъ и... японцамъ. Вотъ и все...

«Еще, впрочемъ, я ему разсказала... все то, что знаете вы, и онъ за это ужасно сердился... Да! послѣ этого я поѣхала домой, была принята, какъ «блудный сынъ», зацѣлована и облита слезами радости и горя... Смѣшная мама не можетъ понять, что гораздо интереснѣе имѣть мужа - «героя» безъ ноги, чѣмъ банкира съ двумя ногами. Володя, мой Володя шлетъ вамъ тысячи поклоновъ.

«Я написала вамъ здѣсь ужасно много глупостей, но это отъ счастья... Анна.

«P. S. О милліонѣ я сказала правду. Когда Володю ранили, я просила папу дать часть моего приданаго на санитарный поѣздъ. Мнѣ - таки пришлось выдержать сраженіе... Папа отступилъ и сдался на капитуляцію...

«Доринъ говоритъ, что недалеко отъ васъ продается имѣньице какого-то бывшаго гусара. Я хотѣла бы его купить. Попросите Руднева узнать хорошенько. Лѣтомъ мы отлично-бы проводили время. Только, Лиза, не выходите замужъ за этого... вашего доктора. Анна».

Какъ странно случилось это! Какое огромное счастье для Анны! «Не выходите за доктора»... Смѣшная! она никогда ни за кого не выйдетъ... Глаза Лизы становились все печальнѣе. Вздоръ! надо взять себя въ руки. Теперь не время думать о себѣ...

Съ минуты на минуту ждала Лиза перевода Дорина. Всякое его письмо заставляло ее блѣднѣть отъ страха. Она никому не говорила о своей любви и о своемъ горѣ, но Вѣра съ чуткостью только что отстрадавшаго сердца поняла ея состояніе.

— Что это съ Лизой? она страшно похудѣла!—грѣясь у топившейся печки, сказалъ Петръ Антоновичъ. Онъ только что вернулся изъ «Сосновки», гдѣ бывалъ почти каждый день. —Ты, Вѣра, поговорила-бы съ нею при удобномъ случаѣ. Она, вѣрно, больна...

— Хуже,—почти неслышно выговорила Вѣра.

Рудневъ сразу обернулся къ ней и по выраженію ея лица понялъ, что хотѣла она сказать. Онъ не назвалъ имени Дорина и, лишь нѣсколько разъ энергично пройдя по комнатѣ, остановился предъ сестрой.

— Бѣдная моя дѣвочка! Нужно этимъ женщинамъ влюбляться въ того, въ кого не слѣдуетъ... А мы какъ теперь, Вѣруня?

Онъ двумя руками поднялъ къ себѣ ея худенькое лицо и заглянулъ ей въ глаза съ чудной лаской. Вѣра поняла, что онъ знаетъ всю исторію ея печальной любви и только изъ деликатности молчалъ. Она, не опуская своихъ честныхъ глазъ, сказала живо, но не печально:

— Все прошло, Петруша!

— Ну, и хорошо... хорошо!..

Онъ сѣлъ рядомъ съ сестрою, привлекъ ее къ себѣ на грудь и, гладя ее по волосамъ, какъ ребенка, думалъ, какъ мало личнаго счастья выпало на долю этой чудной, доброй, умной женщины...

«Неужели-же и Лиза, это дитя моего сердца, радость моей одинокой жизни, будетъ такъ-же несчастна?» — думалъ онъ съ тоскою...

XVI.

Портъ-Артуръ палъ! Эти слова врѣзались въ мозгъ... въ сердце... во все существо Лизы. Цѣлый день, какъ автоматъ, ходила она, распоряжалась хозяйствомъ, занималась съ дѣтьми, но на глаза то и дѣло набѣгали непослушныя, злобныя слезы... Къ крестьянамъ, которые пришли «узнать про войну», она не

вышла и попросила Руднева: тотъ сумѣетъ объяснить и освѣтить имъ этотъ фактъ... Она-же боялась расплакаться, увидавъ ихъ опечаленныя, грустныя лица.

Вечеромъ, уложивъ дѣтей, Лиза прошла въ кабинетъ Доринa, свою самую любимую, теплую и уютную комнату, но сегодня и здѣсь ей было тяжело и казалось мрачно.

За окномъ декабрьская вьюга свистѣла и завывала дикими порывами, какъ-будто обезумѣвъ отъ радости, что встрѣчаетъ преграды на своемъ пути; точно хотѣла напомнить о той далекой окраинѣ, которая такъ долго противилась сокрушительному напору врага; слышался протяжный, жалобный, «какъ по покойницѣ», по выраженію няни, вой собаки; въ трубѣ камина стонали тысячи страшныхъ голосовъ...

Душа Лизы нестерпимо болѣла и за Россію, потерявшую свой далекій оплотъ, и за страдальцевъ, о которыхъ она читала и не могла читать, потому что судороги сжимали ей горло и слезы застилали глаза... Гнѣвъ Божій разразился надъ землею русской! наша твердыня, на которую съ благоговѣніемъ, гордостью, надеждой взирали всѣ честные русскіе люди, очутилась въ рукахъ враговъ... О какъ ненавидѣла ихъ Лиза за ихъ злобное торжество теперь!.. Бѣдная родина!..

— Самое дорогое не задумалась бы я отдать тебѣ, моя родина!—шептала дѣвушка, прижимая къ разгорѣвшемуся лицу холодныя руки, слезы струились сквозь тонкіе пальцы.—Но что могу сдѣлать я? что отдать?..

Тяжелыя мысли наполняли ея голову. Она старалась не поддаваться отчаянію, быть бодрѣе... Вѣдь, не только тамъ, на войнѣ, можно служить родинѣ! Побольше-бы честныхъ, хорошихъ, настоящихъ русскихъ людей, служащихъ «не за страхъ, а за совѣсть», и Россія перенесетъ всякое испытаніе—не разъ на ея долю выпадали великія бѣды—и могучая, кроткая, великая возстанетъ во всей силѣ и развернется во всю мощь и ширь...

И темные чудные глаза дѣвушки, на которыхъ еще блистали слезы, широко раскрылись, какъ-бы стараясь вглядѣться въ это будущее... Какъ горячо, какимъ чистымъ, открытымъ сердцемъ любила она свою родину!..

— Барышня! баринъ пріѣхали...

Маша, запыхавшись, влетѣла къ Лизѣ. Та вся задрожала и схватилась за сердце. Вѣдь, только для «окончательныхъ распоряженій» хотѣлъ пріѣхать Доринъ. Значитъ, онъ уѣзжаетъ на войну!

— Вотъ вы гдѣ! — Доринъ, видя газету и заплаканные глаза Лизы, нарочно весело заговорилъ съ нею, цѣлуя ея руки.— А я обошелъ весь домъ, отыскивая васъ, кажется, даже, Павлушу разбудилъ... Ну, и погода! Двѣ версты два часа тащились... Рветъ и мечетъ... Настоящій шабашъ вѣдьмъ! Я уже чаемъ распорядился...

«Онъ уѣзжаетъ!»—гвоздемъ сверлило въ головѣ Лизы, хотя она слушала его и отвѣчала совершенно спокойно.

Уже поздно вечеромъ Доринъ и Лиза ходили по гостиной. Въ звукахъ его голоса слышалось что-то печальное и недосказанное. Было видно, что въ данную минуту дѣла, отъѣздъ, война занимаютъ его совсѣмъ мало...

Лиза изрѣдка поворачивала къ нему головку и взглядывала на него изъ-подъ пушистыхъ рѣсницъ. Онъ измѣнился, похудѣлъ, но въ немъ было то-же благородство, которое всегда въ глазахъ Лизы отличало его отъ всѣхъ и заставляло ее считать Доринa лучшимъ изъ людей. И это отношеніе въ виду предстоящей разлуки было такъ горько, что, ей казалось, ея сердце разорвется отъ тоски и боли.

— Вотъ мы и разстаемся!—глухо проговорилъ Доринъ, взявъ руку Лизы.—Мнѣ многое хотѣлось вамъ сказать... Я такъ страшно огорченъ случившимся...

Лиза вся вздрогнула. Развѣ не ясно, что онъ любитъ ту женщину, одно имя которой было ей ненавистно?..

«Огорченъ случившимся»...

Лиза взяла свою руку изъ его руки такъ рѣшительно, что онъ уже боялся повторить опытъ... Услыхать отъ него ея имя—выше всякихъ силъ... Лучше она скажетъ сама...

— Развѣ между вами невозможно примиреніе?—нарочно понижая голосъ, чтобы Доринъ не слыхалъ его дрожи, спросила Лиза...

— Между кѣмъ?—удивленно спросилъ онъ.

Доринъ думалъ, что Лиза знаетъ отъ Руднева что его романъ съ Зарѣцкою давно покончен навсегда.

— Между вами и... Зарѣцкой?—еле слышно выговорила Лиза.

Въ ея голосѣ противъ воли зазвучало презрѣніе, которое Доринъ отнесъ къ себѣ.

— О, нѣтъ, Лиза! вы не поняли меня! — грустно сказалъ онъ — Тотъ угаръ прошелъ давно... Изъ-за него я просмотрѣлъ вѣрное и честное сердце. Теперь уже поздно, не вернешь...

И, заключивъ по выраженію ея лица, что она догадывается, о чемъ онъ хочетъ говорить и оскорбляется этимъ, Доринъ все-таки рѣшилъ продолжать: надо было положить конецъ сомнѣніямъ, мучившимъ его послѣ его пріѣзда сюда.

— Я не сказалъ-бы вамъ ничего, если-бы не уѣзжалъ... а то, можетъ быть, мы видимся въ послѣдній разъ... До сихъ поръ я не пріѣзжалъ нарочно... Лиза,—быстро и порывисто обернулся онъ къ ней,—вамъ не кажется смѣшною... исторія «этой» любви?..

На мгновеніе онъ опустилъ голову, боясь встрѣтить насмѣшливый, негодующій взглядъ дѣвушки. Когда-же онъ поднялъ на нее свои мечтательные и теперь будто робкіе глаза, онъ зналъ уже, что нечего ему бояться и мучиться—все ея лицо свѣтилось счастьемъ.

— Смѣшно? мнѣ?.. Но, вѣдь, я давно... давно люблю васъ!...

Доринъ привлекъ ее къ себѣ на грудь и виновато, и счастливо шепталъ:

— Ты простишь меня? можешь мнѣ простить?..

XVII.

Доринъ уѣзжалъ. Его провожали товарищи по полку, Рудневъ, Лиза. Вѣра Антоновна осталась съ дѣтьми. Уѣзжали еще нѣсколько офицеровъ. Слышались шутки, милыя пожеланія, давались нелѣпые совѣты. Бѣгали носильщики и дѣвщики, укладывая офицерскія вещи. Какой-то господинъ, не имѣвшій никакого отношенія къ уѣзжающимъ, заложивъ руки за спину, ходилъ между офицеровъ и заглядывалъ имъ подъ шапки съ такимъ вниманіемъ, какъ-будто хотѣлъ навѣки запечатлѣть въ памяти ихъ лица. Оставалось нѣсколько минутъ до отхода поѣзда.

Доринъ взялъ подъ руку Лизу и Руднева и, извинившись предъ товарищами, отошелъ съ ними въ сторону.

— Простимтесь теперь... Не скучай, родная... Пиши чаще...

Онъ обнялъ горячо Лизу, судорожно припавшую къ нему... Теперь она отдавала родинѣ свое «самое дорогое»—страстно любимаго жениха!

— Береги моихъ...

Остальное онъ договорилъ глазами: въ руки Руднева въ случаѣ своей смерти онъ отдавалъ свою семью.

Друзья крѣпко обнялись. Доринъ хотѣлъ уже идти, но вдругъ сказалъ:

— Помнишь нашъ разговоръ въ твоемъ саду? Я много о немъ думаю. Познать истину—идеалъ человѣчества, и вѣрь,—какъ-то важно и вдохновенно произнесъ онъ,—оно до него дойдетъ! Пока-же,—быстро окончилъ онъ,—дай намъ Богъ всѣми силами служить родинѣ, особенно въ эти тяжелые годы...

— Доринъ! гдѣ вы? сейчасъ третій звонокъ! — кричалъ адъютантъ полка, гдѣ служилъ Доринъ до сихъ поръ.

— Иду, иду...

Онъ прижалъ къ себѣ еще разъ Лизу и почти безъ сознанія положилъ ее въ руки Руднева.

— Третій звонокъ! Садитесь, господа!

Раздался свистокъ оберъ-кондуктора, могучій отвѣтный ревъ локомотива. Доринъ уже на-ходу вскочилъ въ вагонъ.

— Георгія!..Трехъ Георгіевъ!..Десять!..Счастливаго пути!— оживленно кричали на перронѣ и подъ эти пожеланія поѣздъ, ускоряя ходъ, уносилъ въ далекій край много свѣтлыхъ намѣреній, блестящихъ надеждъ, самоотверженнаго мужества...

КОНЕЦЪ.

Все для тебя!

Все для тебя... И мысль необычайная,
И чувства, пылъ восторга и любви,
И въ одиночествѣ кручина тайная,
И страсти трепетный огонь въ крови, —
Все для тебя!

Все для тебя... И звуки тихострунные,
Встрѣчающіе алую зарю,
И пѣсни, что пою я въ ночи лунныя,
Все, чѣмъ живу, чѣмъ полонъ и горю,—
Все для тебя!

И. Глухаревъ.

Одна изъ многихъ.

(Сестра милосердія.)

Набросокъ **Ив. Остроумова.**

Бой разгорался, но городъ былъ спокоенъ. Летучіе отряды госпиталей работали безъ устали. Сотни раненыхъ шли и подъѣзжали, а канонада гремѣла. Снаряды рвались среди улицъ города, рвались около госпиталей, около желѣзнодорожной платформы, отъ которой одинъ за другимъ отходили поѣзда, увозя на сѣверъ перевязанныхъ и забинтованныхъ сѣрыхъ героевъ. Безъ стона, съ улыбкой на запекшихся губахъ переносили чудо-богатыри тяжелыя перевязки, вкладываніе раздробленныхъ рукъ и ногъ въ лубки, извлеченіе осколковъ гранатъ и съ благодарностью посматривали на хрупкихъ, тщедушныхъ «сестрицъ», съ любовью ухаживающихъ за выбитыми изъ строя воинами. Кто на носилкахъ, кто поддерживаемый санитарами, двигались раненые къ вагонамъ, а канонада врага все разгоралась и разгоралась.

Къ отрядамъ, перевязывающимъ раненыхъ, подскакалъ адъютантъ. Потемнѣвшее отъ порохового дыма лицо, сорванный верхъ папахи и взмыленная, часто и нервно дышавшая лошадь ясно говорили, что онъ пріѣхалъ съ передовыхъ позицій.

— Господа!—крикнулъ адъютантъ осипшимъ голосомъ,—необходимо уходить, непріятель насѣдаетъ, осталось всего два поѣзда, собирайте раненыхъ и въ путь!

— Но всѣхъ раненыхъ не убрать въ два поѣзда,—замѣтилъ одинъ изъ докторовъ.

— Остальныхъ подберутъ войска и санитары на носилки, но вы-то, вы-то уѣзжайте! Забирайте сестеръ, медикаменты.

— Хорошо! Сколько времени дается на это?

— Полчаса! Черезъ полчаса здѣсь будетъ адъ!

Адъютантъ хлестнулъ усталую лошадь и та, подобравъ бока, рысью понеслась дальше.

— Сестры, санитары!—крикнулъ главный докторъ:—поскорѣе дѣлайте свое дѣло, время терять нельзя!

Всѣ засуетились.

А раненые идутъ и идутъ.

— Сестрица,—шепчетъ солдатъ съ потемнѣвшимъ лицомъ, еле плетясь и опираясь на ружье.

— Что голубчикъ?—подбѣгаетъ къ нему сестра.

— Тяжко мнѣ, охъ, какъ тяжко! Въ животъ. Переворачивается тамъ все.

— Степановъ!—кричитъ сестра санитару.

— Что, сестрица?—и бравый санитаръ подбѣгаетъ къ сестрѣ милосердія.

— Въ животъ, говоритъ.

— А это мы сейчасъ! Эй, любезный, очнись!—кричитъ онъ солдату, уже теряющему силы.

— А?

— Очнись, говорю, сейчасъ носилки.

— Не надо! И такъ дойду, вотъ мнѣ-бы только до сестрицъ, тѣ добрыя!

— Ребята, носилки!

Черезъ минуту носилки поданы.

— Ложись.

— Къ сестрицамъ?—шепчетъ солдатъ,—къ нимъ?

— Да, да!

— А, охъ!

Грузное тѣло валится, ружье выскальзываетъ изъ рукъ и со звономъ падаетъ на мостовую.

— Живо, въ вагонъ № 105!—кричитъ санитаръ носильщикамъ, и тѣ скоро, но бережно несутъ раненаго.

Раненые вновь и вновь подходятъ. Вонъ плетется офицеръ, опираясь на шашку. Онъ безъ папахи. Лицо залито кровью, но идетъ онъ бодро.

— Пунктъ?—спрашиваетъ онъ.

— Да, да!

— Умыться-бы мнѣ!

— Куда вы ранены?

— Пустое. Умыться!

— Перевязку, можетъ быть, надо?

— Царапины не перевязываютъ!

А царапина серьезная: разломана переносица, задѣтъ глазъ и оторвано полуха. Наскоро перевязываютъ офицера, и онъ уходитъ къ желѣзнодорожной станціи. Раненыхъ меньше. Должно быть, всѣ прошли,—а канонада гремитъ и гремитъ.

— Всѣ-ли готовы?—кричитъ докторъ,—пора въ поѣздъ, уже двадцать пять ми...

Не успѣлъ онъ договорить, какъ около госпиталя грянулъ снарядъ и, разорвавшись, разсыпался сотнями кусковъ, съ какимъ-то особеннымъ шипѣньемъ впивающихся въ стѣны домовъ.

— Скорѣй, господа! иначе поѣздъ уйдетъ.

Отрядъ, не спѣша, забравъ свои медикаменты и инструменты, медленно двинулся къ желѣзнодорожной платформѣ. Сзади всѣхъ шла молодая дѣвушка. Красный крестъ на груди и на рукавѣ, бѣлый передникъ, залитый кровью, сѣрое платье, тоже обагренное, и бѣлая косынка ясно очерчивали красивыя черты энергичнаго лица, окаймленнаго выбившеюся изъ-подъ косынки черною прядью волосъ.

— Людмила Владиміровна! — кричали ей ушедшіе впередъ,—торопитесь!

А она шла, тихая, спокойная, поминутно оглядываясь назадъ, словно ища, нельзя-ли кому-нибудь помочь.

Послышался топотъ лошадей. Въ городъ въѣзжали отступавшія въ порядкѣ войска. Никто изъ воиновъ не склонялъ головы предъ летящими снарядами, которые рвались надъ отступающими.

Вотъ и желѣзнодорожная платформа.

Вагоны ждутъ, всѣ усѣлись, и лишь одна Людмила Владиміровна медленно идетъ по дебаркадеру.

Слѣва и справа падаютъ снаряды, шипятъ, разрываются они, осыпая ее землей...

Вотъ одинъ падаетъ почти у самыхъ ногъ сестры. Волчкомъ завертѣлся онъ, дымитъ его трубка, испуская запахъ сѣры, но нѣтъ, онъ не разрывается и, замолкнувъ, скатывается подъ откосъ. Свистя летитъ другой, и въ тотъ моментъ, какъ Людмила Владиміровна уже хотѣла шагнуть на подножку, съ трескомъ, съ тысячами залповъ рвется.

— А... ай!—крикнула Людмила Владиміровна и упала безъ чувствъ, сознавая лишь одно, что снарядъ ударилъ ее по ногамъ.

— Сестрицу убило!

— Сестра ранена!

— Скорѣй, господа, на помощь!

Изъ вагоновъ выскочили солдаты, санитары, офицеры и подняли искалѣченную Людмилу Владиміровну. Послѣ долгихъ и страшныхъ усилій, ее, наконецъ, удалось внести въ вагонъ III класса. Сестры, солдаты и офицеры окружили раненую. Достали перевязочный пакетъ, сестры срывали съ себя косынки, офицеры совали платки, солдатики—оставшуюся въ ранцахъ марлю и всѣмъ этимъ обматывали ноги несчастной Людмилы Владиміровны, изъ которыхъ лилась кровь.

Перевязка была все-таки сдѣлана и поѣздъ двинулся на сѣверъ. Тряско шелъ онъ и доставлялъ больной невыносимыя муки.

— Господи, хоть-бы чувствъ лишиться!—шепчетъ Людмила Владиміровна.

Но, къ несчастью, память ей не измѣняла.

Вотъ и Мукденъ. Поѣздъ остановился. Едва держащіеся на ногахъ солдатики и здоровыя, но нервныя сестры, съ осунувшимися лицами офицеры,—всѣ они заботливо смотрѣли за сестрой Людмилой и наперерывъ старались ей угодить.

— Сестрица,—шепталъ солдатикъ,—ты, можетъ, сладенькаго хочешь, а? У меня есть. На позиціяхъ намъ сахаръ раздавали, у меня остался! Хочешь?

Благодарными глазами смотрѣла Людмила Владиміровна на этого дитя-героя, не могшаго ей предложить ничего больше, кромѣ сахара, который ему самому нуженъ.

Но вотъ говоръ въ вагонѣ затихъ. Всѣ къ чему-то прислушиваются. Слышно лишь тихое «здравія желаю вашему высокопревосходительству». Людмила Владиміровна точно какъ-то невольно напрягла слухъ и не замѣтила, какъ надъ ея скамьей склонилось чье-то доброе, ласковое лицо. Ясные глаза смотрятъ на нее, полусѣдая круглая борода щекотала ея лобъ, когда пришедшій, склонившись, поцѣловалъ ее около самыхъ волосъ.

— Спасибо, сестрица!—слышитъ она,—спасибо!—и что-то блестящее засверкало на ея одѣялѣ.

— Вотъ, это вамъ! Чѣмъ могу. Георгій только солдаты получаютъ, а вы первая... вотъ это на той-же георгіевской лентѣ. Не награда, нѣтъ, а русское спасибо отъ Государя и отъ меня! Носите!

Добрые глаза еще разъ улыбнулись, мягкая рука погладила шелковистые волосы и еще разъ отеческій, полный доброты поцѣлуй запечатлѣлся на лбу Людмилы Владиміровны.

— Счастливица!—замѣтилъ кто-то.

— Слѣдуетъ!—прозвучало въ отвѣтъ.

— Самъ пожаловалъ!

— Добрый онъ у насъ.

— Ну, и строгъ тоже!

— Безъ строгости нельзя!

— Зато справедливъ.

— Что и говорить.

— Кабы на меня, я-бы сестрицѣ Егорья!

— Дамскому полу не полагается.

— Ну, не крестъ, такъ что-нибудь другое.

— Другое и дали.

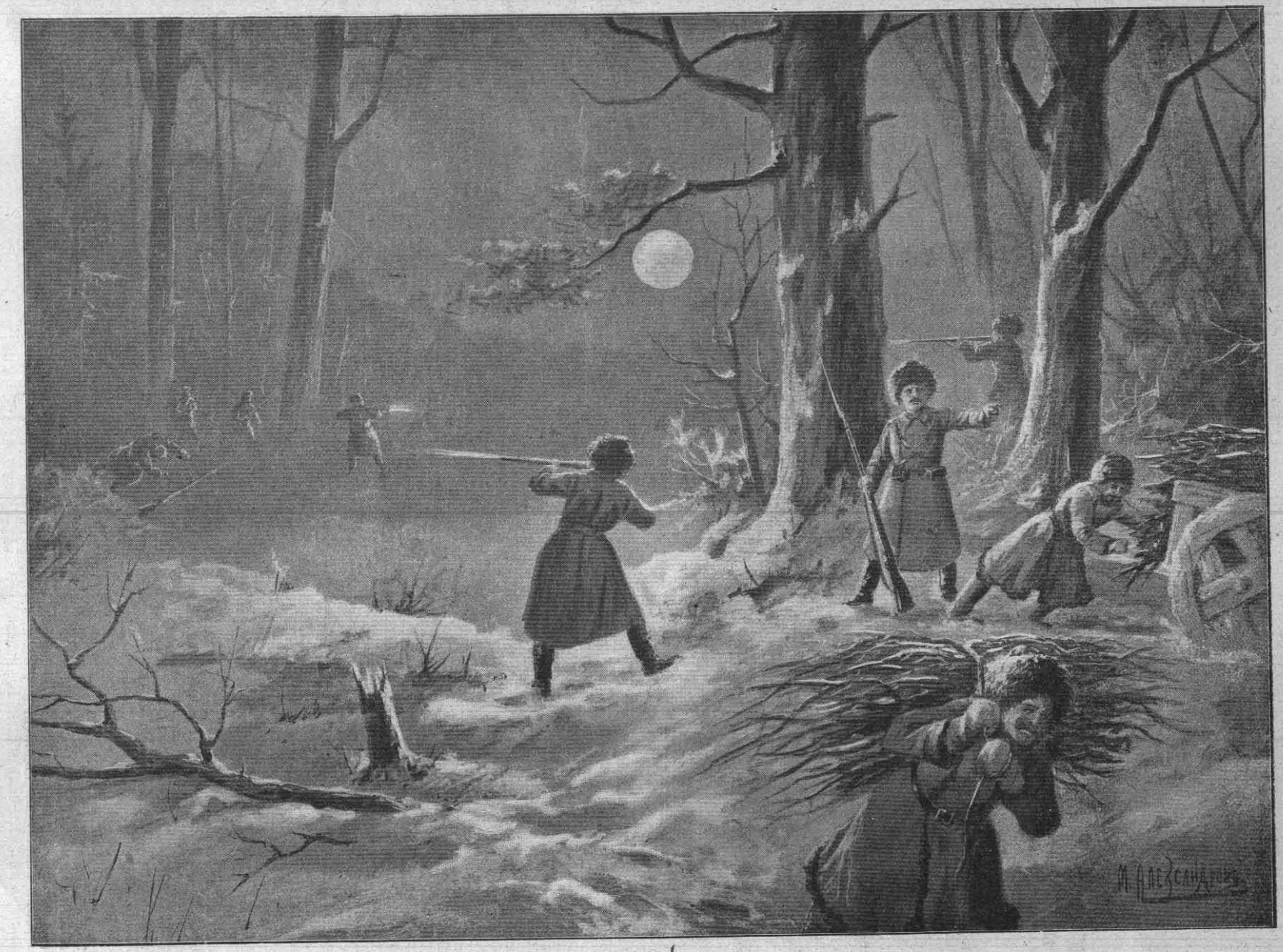
— Что?

— Медаль на егорьевской лентѣ.

— А что на медали-то?

— За храбрость!

— Ну, это—другое дѣло. Слѣдуетъ.



СБОРЪ ТОПЛИВА ВЪ МАНЧЖУРІИ. Ориг. рисун. **М. Александрова.**

Такіе шли разговоры среди солдатъ въ вагонѣ при видѣ, какъ генералъ разговаривалъ съ сестрой милосердія, раненой у Ляояна.

Раздался свистокъ паровоза. Поѣздъ загромыхалъ колесами и двинулся въ далекій путь, въ родную Россію, увозя съ собой раненыхъ бойцовъ.

Промелькнули уѣздные и губернскіе города, промелькнула Москва и вотъ онъ, конечный пунктъ, Петербургъ.

Съ любовью и лаской были приняты здѣсь раненые, а въ особенности Людмила Владиміровна. Обласканная сестрами столицы, она отправилась на благодатный югъ, въ роскошный Каннъ, гдѣ теперь она отдыхаетъ отъ перенесенныхъ невзгодъ и съ любовью смотритъ на серебряную медаль на георгіевской лентѣ, которая украшаетъ ея грудь. Часто Людмила Владиміровна вспоминаетъ чуднаго, ласковаго генерала и снова стремится туда, на поля далекой Манчжуріи, чтобы снова нести тяжелый крестъ сестры милосердія среди сѣрыхъ героевъ, такъ сердечно относящихся къ своимъ сподвижникамъ на кровавой нивѣ битвъ.

КОНЕЦЪ.

Какъ я учился.

(Изъ воспоминаній русскаго пѣвца.)

Очеркъ П. Богатырева.

Мы всѣ учились понемногу чему-нибудь и какъ-нибудь и меня впихивали въ эту шкуру, и получилось такое «стоеросовое» дерево, что неумѣлый и тотъ можетъ изъ меня выкроить превосходную дубину. Мальчишка я былъ способный, а подзатыльники да иныя рукоприкладства развили во мнѣ эту способность чуть не до геніальной талантливости. Бывало, зададутъ урокъ изъ ариѳметики надомъ, я первымъ долгомъ, выйдя изъ училища, сейчасъ сумку на троттуаръ, самъ черезъ заборъ за яблоками. Случалось, я трясу яблоню, а меня трясутъ за волоса, однако, на яблокахъ да на бабкахъ я выучился сложенью и вычитанью.

Въ наше время и въ нашемъ быту при ученьѣ, какъ необходимое средство для развитія понятій, фигурировали «вколачиванье» и «ковырянье масла». Послѣднее средство было очень внушительно: рука «ковыряющаго» складывалась въ кулакъ, выставлялась средина большого пальца и ею, бывало, «ковырнутъ» въ самое темя головы, да такъ, что небо не только съ овчинку, а ужъ никакъ не кажется, а только одни темные круги ходятъ въ глазахъ. Тутъ поневолѣ запомнишь, что предъ «что» и «который» ставится запятая—и у меня это такъ засѣло въ голову, что я и до днесь это помню и каждый разъ, какъ я пишу эти проклятые «что» и «который», у меня, по привычкѣ, голова уходитъ въ плечи и я ежусь, точно кто мнѣ собирается ковырнуть. Я самъ теперь полбашки отковырну, а все ежусь.

Дома меня наказывали рѣдко, но внушительно. Я чуть не до двадцати лѣтъ наивно предполагалъ, что возжи существуютъ для развитія грамотности, и ужъ потомъ догадался, что ими правятъ лошадьми, а въ то время онѣ изрядно прогуливались по моей «корпуленціи», избирая, впрочемъ, мѣста не такъ, чтобы ужъ очень отдаленныя, но все-таки захолустныя.

Благодаря этимъ и другимъ «кроткимъ мѣрамъ», подъ видомъ каковыхъ проповѣдывались такіе пріемы, я достигъ бойкости въ чтеньѣ и бѣгло читалъ всѣ надписи на заборахъ, разсыпанныя въ нашихъ глухихъ улицахъ, переулкахъ, тупикахъ и закоулкахъ.

Особенно у насъ процвѣтало въ училищѣ щипанье за маленькіе волосики на затылкѣ да битье линейкой-квадратикомъ по ладони, да еще ребромъ линейки били—и чувствительно и скверно было. По старой оцѣнкѣ, я, какъ битый, не только двухъ не битыхъ стою, а хорошую дюжину даже битыхъ.

И наши игры-то дѣтскія всѣ были больше на дракѣ построены. Поставить «фонарь» считалось молодечествомъ, и званіе перваго силача было столь завиднымъ, что, добиваясь его чуть не ежечасно, мы всѣ ходили или «съ фонарями», или съ расквашенными носами—плюсъ къ этому или «линейка», или «маленькіе волосики». Вообразите, какъ мы притерпѣлись—быть выпоротымъ не считалось отвагой.

Однако, я кое до чего додолбился. Отецъ мой любилъ науку и охотно поощрялъ меня и не одними возжами, а иногда и черезсѣдельникомъ, но хрѣнъ рѣдьки былъ не слаще. Меня обучали иностраннымъ языкамъ; но—Боже мой!—какая получилась смѣсь отъ этого. Одинъ мой знакомый, встрѣчая меня гдѣ-нибудь въ гостяхъ, всегда опасался, чтобъ я не бухнулъ чего-нибудь такого, отъ чего даже затылокъ могъ-бы сморщиться—пришлось бросить языки, а одинъ оставшійся держать на привязи.

Отдали меня учиться исторіи и русскому языку. Дѣло пошло на ладъ и у меня изъ всѣхъ исторій осталось въ памяти—«Въ селѣ малый Ванька жилъ». Дѣло въ томъ, что мой учитель исторіи любилъ пиликать на скрипкѣ и, когда я, бывало, приду на уроки, онъ, вмѣсто преподаванья предмета, возьметъ скрипку и пилитъ мнѣ «Въ селѣ малый Ванька жилъ». Я слушалъ и восхищался, а урокъ оканчивался тѣмъ, что учитель чертилъ въ книгѣ ногтемъ «отсюда и досюда», а такъ какъ я зналъ, что и въ слѣдующій урокъ будетъ «Ванька въ селѣ», то я, конечно, не училъ.

Такъ и кончилось изученіе исторіи.

Ужъ это я изъ «Прекрасной Елены» узналъ потомъ имена героевъ Греціи: Агамемнона, Ахилла, Менелая и другихъ. Изъ русской исторіи я помню только, что хорошо варили медъ, а еще лучше пили его, а матушка моя такъ и въ медъ не вѣрила, говорила, «что когда-же его было варить, когда русскіе только и дѣлали то, что дрались между собой»; она это слыхала отъ моего дяди, который, въ свою очередь, слышалъ это тоже отъ какого-то дяди.

Изъ географіи я дальше «чертовыхъ куличекъ» да «бухты барахты» не уѣхалъ. Заѣзжалъ, помню, какъ-то пальцемъ по картѣ на какой-то сибирскій заводъ, да съ тѣхъ поръ и не былъ тамъ.

Однако, мой учитель исторіи—дай Богъ ему здоровья на томъ свѣтѣ!—нечаянно развилъ во мнѣ любовь къ музыкѣ и я захотѣлъ подражать ему и вздумалъ учиться играть на скрипкѣ. Отецъ охотно согласился, тѣмъ болѣе, что самъ онъ былъ музыкантъ; онъ въ лѣта юности служилъ въ музыкальномъ магазинѣ, откуда бѣгалъ для дававшаго тамъ уроки знаменитаго гитариста за водкой, и самъ игралъ на гитарѣ вальсъ «Меланхолія» и «Чижика», который отравился у насъ, въ Питерѣ, на Фонтанкѣ, хлебнувъ изъ нея водицы. До скрипки я игралъ на гребенкѣ, обернувъ ее бумагой, и игралъ того-же бѣднаго «Чижика», такъ влопавшагося въ бѣду со своимъ довѣріемъ къ коварной рѣченкѣ.

Подъ этого «Чижика» мы отплясывали кадрили, польки, мазурки и всѣ существующіе и несуществующіе въ нашемъ быту танцы. Какъ видите, я все-таки былъ музыкантомъ, хоть отчасти.

Но вотъ нашелся учитель-регентъ, нашъ сосѣдъ. Жилъ онъ съ женой въ квартирѣ изъ одной комнаты—такія у насъ бывали квартиры. Высокій, худощавый, немного сгорбленный старикъ былъ человѣкъ добрый, но... но этого для музыки еще мало. Я близорукъ отъ рожденья, а онъ слѣпъ отъ старости, и мы, чтобъ видѣть ноты, должны были наклоняться надъ столомъ, а потому и скрипки прятали подъ столъ и уже оттуда извлекали звуки.

Какъ-бы то ни было, я научился играть «Какъ подъ гаемъ, гаемъ». Должно быть, я игралъ хорошо, потому что служившій у насъ возчикомъ товара солдатъ приходилъ отъ моей игры въ восхищеніе и однажды угадалъ, что я играю, причемъ увѣрилъ меня, что «въ жисть не слыхивалъ такой игры, хотя бывалъ и въ Малороссіи и разъ даже въ «кутузкѣ» сидѣлъ, гдѣ иногда «бываютъ отчаянные музыканты». Я солдату за похвалу далъ полтинникъ и съ тѣхъ поръ восторгамъ его не было границъ отъ моей игры, что обошлось мнѣ рублей въ восемь.

Однако, мнѣ рекомендовали лучшаго учителя и я черезъ нѣсколько времени сдѣлалъ огромный шагъ и игралъ польку «Санъ-Суси» такъ, что мой панегиристъ-солдатъ Михайло часто просилъ меня сыграть польку «Самъ-Соси» безъ всякой уже платы съ моей стороны.

Дѣло пошло ходко, я уже игралъ увертюру «Фенелла», причемъ часто съ улицы мнѣ кричали: «почемъ съ сажени пилишь?», но я не унывалъ и допилился до того, что сосѣди хотѣли меня бить. Тутъ я перешелъ къ третьему учителю; это было въ тотъ періодъ юношества, когда я превращался въ «стоеросовое» дерево...

Съ малолѣтства я любилъ пѣть и пѣлъ, конечно, русскія пѣсни и «мѣщанскіе» романсы, такъ какъ другого мнѣ слышать ничего не приходилось.

Какъ-то я попалъ въ театръ и видѣлъ оперу «Русалка» Даргомыжскаго. Боже мой! что со мной сдѣлалось, я ужъ и сказать не умѣю. Я выучилъ пушкинскіе стихи «Какъ нынѣ сбирается вѣщій Олегъ» наизусть, сталъ ихъ пѣть на какой-то несуразный мотивъ и увѣрялъ мальчишекъ, что это изъ оперы «Русалка». А что я имъ разсказывалъ, такъ уму непостижимо: я такъ вралъ, что любой поэтъ всякихъ страховъ позавидовалъ-бы мнѣ. Наконецъ, и мальчишки перестали мнѣ вѣрить, да оно и безъ всякаго вранья трудно было вѣрить — какъ-же это такъ: женщина бросилась въ рѣку, утонула, а потомъ вышла раскланиваться... а тамъ опять оказалась на днѣ рѣки. Хоть у насъ и «ковыряли масло» въ головѣ, но все разсказываемое мною трудно усваивалось ей, хотя она и была «съ масломъ».

Сканировал редуктор rutracker.org

Такъ я и потерялъ вѣру у мальчишекъ и меня одно время дразнили «русалкой».

Пѣнье было моя страсть и я оралъ и кстати, и не кстати и все одни пѣсни и романсы, въ родѣ «Смолкни, пташка канарейка»; но, когда я услыхалъ «Аскольдову могилу», то я чуть не въ ярость пришелъ, сталъ бѣгать въ трактиръ «подъ машину», которая играла «Вѣтерокъ», «Близко города Славянска» и «Чарочки»; я просиживалъ цѣлые дни «подъ машиной» и выучилъ все. Мнѣ еще помогъ нѣкто Николай Аверьяновъ—записной театралъ; онъ любилъ театръ и ходилъ туда волновать ногами Днѣпръ во время бури. Это дѣлалось такъ. Подъ полотно ложились нѣсколько человѣкъ на спину и, по командѣ, поднимали руки и ноги вверхъ и колыхали ими полотно, отъ чего Днѣпръ волновался и пылилъ на всю сцену, и часто было слышно со дна рѣки дружное здоровое чиханье. Однако, эта буря вверхъ ногами производила впечатлѣнье, а буредѣлатели получали по двугривенному.

Вотъ этотъ-то Николай Аверьяновъ, страстный поклонникъ Бантышева, знаменитаго «Торопки», и выучилъ меня пѣть «Вѣтерокъ» и другіе номера изъ «Аскольдовой могилы». Онъ обладалъ хорошимъ теноромъ и, по-нашему, пѣлъ мастерски; потомъ говорили, что онъ будто пѣлъ не хуже Бантышева, можетъ быть. Съ этимъ «Вѣтеркомъ» я до того всѣмъ надоѣлъ, что отъ меня стали бѣгать, а я не унимался и пѣлъ. Я для двоюродныхъ сестеръ въ каретномъ сараѣ представлялъ всю «Аскольдову могилу» одинъ и, когда я имъ надоѣлъ, онѣ убѣжали; но я за волосы вернулъ ихъ назадъ и заставилъ дослушать. Вотъ какъ прежде поступали артисты съ публикой! Но и артисту здорово влетѣло: я долго потомъ садился на уголокъ стула, занимая мѣсто на немъ не болѣе вершка. Потомъ, когда мнѣ, дѣйствительно, пришлось пѣть въ этой оперѣ, я всегда вспоминалъ это обстоятельство и Николая Аверьянова, и мнѣ становилось весело.

Однажды я попалъ на «Жизнь за Царя» и опять сталъ бѣгать «подъ машину», которая играла попурри изъ этой оперы, и мнѣ казалось, что стоитъ только выучить слова—и можно пѣть.

Одинъ регентъ взялся меня выучить пѣть всю партію Сабинина; но тутъ вдругъ вѣтеръ дунулъ съ другой стороны, и я круто повернулъ на другую дорогу.

Теперь я часто вспоминаю мое прошлое ученье, много въ немъ и грустнаго, потому что много упущено, и много комичнаго, смѣшного—лѣсъ, въ которомъ я блуждалъ, былъ дикъ и непроходимъ, а когда предо мной сверкнула дорога и я рванулся на нее, зачѣмъ-то прихватилъ изъ лѣса еловыхъ шишекъ! А, можетъ, я позабылъ ихъ выкинуть?..

Первые уроки пѣнья я взялъ у пѣсенниковъ, но скоро я перешелъ въ руки бывшаго сотскаго, отчаяннаго пьяницы, забулдыги и пѣвца. Мнѣ нравился въ пѣньѣ его «закатъ»—зальется, закатится высокой нотой, и она у него выходила трелью,—это-то мнѣ и нравилось, но этотъ мой профессоръ только и имѣлъ одну дребезжащую высокую ноту, а остальныя у него были, по-моему, плохи и не дребезжали. Я ему отказалъ.

Предлагалъ одинъ солдатъ еще свои услуги, но этотъ ставилъ условіемъ предъ урокомъ «выпить», «чтобъ горло продрало», какъ говорилъ онъ, и что будто господинъ «хельдхебель» всегда предъ «ученьемъ» выпивалъ, а потому и командовалъ громко. Впослѣдствіи я тоже ловко навострился «продирать» и чуть было до дыръ не продралъ. Этому я тоже отказалъ.

Всѣ мои профессора имѣли хорошія средства, чтобъ сдѣлать изъ меня пѣвца: одинъ предлагалъ выпивкой горло «продирать», другой совѣтывалъ ходить лѣтомъ въ валенкахъ, третій совѣтывалъ кулакомъ бить по животу,—говорить: «звукъ лучше выскакиваетъ»,—а одинъ такъ прямо посовѣтывалъ отцу отпороть меня арапникомъ, чтобъ я «не баловался», какъ онъ выразился, и этотъ, кажется, лучше всѣхъ понималъ дѣло.

Однако, судьба рѣшила иначе,—предо мной открылся широкій путь, и я пошелъ по немъ «сломя голову» и, благодаря моему всестороннему развитію въ юности, треснулся лбомъ объ стѣну, и послѣднее «масло» выскочило изъ головы.

КОНЕЦЪ.

ОПИСАНІЕ РИСУНКОВЪ.

На горной тропкѣ въ Манчжуріи. (Рис. на стр. 321.) Узкой полоской протянулась вокругъ сопки тропинка. Она настолько узка, что по ней еле-еле можно пройти,—пройти съ трудомъ, цѣпляясь за выступы горы. Внизу подъ тропинкой—бездонная пропасть, вверху—отвѣсная скала, а надъ ней—небо. Осторожно пробирается по тропинкѣ японскій солдатъ, отставшій отъ своего отряда и ближайшей дорогой желающій нагнать его. Онъ знаетъ, благодаря имѣющейся у него картѣ, что, пройдя извѣстное пространство, онъ выйдетъ на площадку, откуда уже прямой путь къ равнинѣ, гдѣ расположился ушедшій отрядъ. Но врагъ не предполагаетъ, что на площадкѣ притаился молодецъ-казакъ. Давно уже казакъ привычнымъ ухомъ услышалъ подозрительный шорохъ на тропинкѣ и теперь ждетъ того, кто долженъ появиться. Если свой, то онъ поможетъ ему, а если врагъ—мѣткая казацкая пуля уложитъ его на мѣстѣ. Вотъ изъ-за скалы показалась нога, одѣтая въ гамашъ: «Японецъ»,—думаетъ казакъ и, прижавшись къ скалѣ, ждетъ врага, чтобы мѣткимъ выстрѣломъ свалить его съ горной тропинки въ зіяющую бездну.

Начало весны. (Рис. на стр. 329.) Прилетѣли жаворонки, туманная даль засинѣла, скованные льдомъ ручьи разбили свои оковы и весело журчатъ. Мертвыя зимою деревья начали расправлять свои вѣтви и тянуть ихъ къ ясному солнцу, посылающему тепло на оттаявшую отъ морозовъ землю. Кое-гдѣ показалась зеленая травка, появились первые подснѣжники. Это—начало весны, красавицы-весны съ роскошнымъ цвѣточнымъ уборомъ и зеленымъ ковромъ полей и луговъ.

Юродивый Дометіанъ у супруги великаго князя Василія III. (Рис. на стр. 335.) Первая жена великаго князя Василія III, Соломонія, была бездѣтна и, по своему желанію, была пострижена и поселилась въ монастырѣ. Но предъ этимъ, занятая мыслью о своемъ безплодіи, она часто вела разговоры о немъ со странниками и юродивыми, которыхъ въ Москвѣ въ XVI вѣкѣ было множество. Одна изъ такихъ бесѣдъ изображена на рисункѣ, помѣщенномъ на стр. 335 настоящаго номера журнала. Къ Соломоніи былъ приглашенъ извѣстный на Москвѣ юродивый Дометіанъ. Въ желѣзныхъ веригахъ, съ чугуннымъ тяжелымъ крестомъ на груди, Дометіанъ разсказывалъ великой княгинѣ свои похожденія, про свою вѣру въ Бога и любовь къ Нему и увѣщевалъ княгиню усерднѣе помолиться Всемогущему Творцу о прекращеніи безплодія. Внимательно вслушивалась княгиня въ слова юродиваго, а сердце ея ныло, ныло. Вѣдь, она-же молилась и раньше, но молитва ея неугодна была Богу.

За чисткой картофеля. (Рисун. на стр. 357.) Третьяковская галлерея въ Москвѣ можетъ гордиться тѣми сокровищами искусства, которыя собраны въ ней. Къ этимъ сокровищамъ принадлежитъ и картина художника В. Маринича, снимокъ съ которой помѣщенъ въ настоящемъ номерѣ журнала. «За чисткой картофеля»—прекрасно выписанная картина. Мельчайшія детали кистью художника нанесены мастерски. Въ особенности хорошо выписано лицо, полное экспрессіи и того невозмутимаго спокойствія, которое такъ присуще старымъ людямъ, увлекшимся работой. Фигура на картинѣ кажется живою, такъ она правдиво и рельефно изображена.

Сборъ топлива въ Манчжуріи. (Рисун. на стр. 345.) День пасмурный. Выпалъ снѣгъ и на его бѣломъ фонѣ особенно выдѣляются землянки и полусожженныя дерев и. По дорогамъ тянутся отдѣльные люди и двуколки. Сѣрыя безформенныя фигуры тащатъ и волочатъ огромныя только что срубленныя деревья, бревна, брошенную въ деревняхъ разную рухлядь, вязки гаоляна. Вотъ сѣрый и добродушный мужичекъ-солдатъ, согнувшись въ три погибели, несетъ огромную скирду гаоляна, навьюченнаго имъ на плечи. По всѣмъ направленіямъ ползутъ и снуютъ солдатики, словно муравьи, отыскивая все, что пригодится, все, что мало-мальски годно для ихъ немудраго и несложнаго обихода. Не легко достается имъ эта возможность подсунуть въ костеръ лишнее полѣно или дать коню второй пучекъ соломы. Приходится за каждой щепкой пробираться за линію сторожевого охраненія, на нейтральную полосу, и здѣсь, нерѣдко подъ выстрѣлами непріятеля, рубить, косить и вязать. Завязывается перестрѣлка, и, пока нѣсколько человѣкъ отстрѣливаются, поднимая потомъ такую отчаянную пальбу, что можно подумать, что здѣсь въ наилучшемъ случаѣ рота, другіе этимъ временемъ, перекрестясь, принимаются за работу и спѣшно вьючатъ двуколки и самихъ себя. Рубка дровъ—работа посложнѣе. Здѣсь уже приходится идти большей частью ночью, прикрываясь развѣдчиками и охотничьей командой.

Редакторъ-издатель А. А. Каспари. Редакторъ Ник. А. Каспари

ТОВАРИЩЕСТВО 1865. Москва. 1870. С.-Петербургъ. 1882. Москва. 1896. Нижн.-Новгор.

РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАНУФАКТУРЫ

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

УЧРЕЖДЕННОЕ ВЪ **1860** ГОДУ,

просить при покупкѣ **РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ** обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

въ особенности на годъ учрежденія Товарищества „1860“, и на слово „С.-Петербургъ“ въ красномъ треугольникѣ (фабричное клеймо).

ТЕХНИЧЕСКІЕ, ХИРУРГИЧЕСКІЕ И РАЗНЫЕ ПРЕДМЕТЫ; РЕЗИНОВЫЯ ИГРУШКИ; РЕЗИНОВЫЯ ЭКИПАЖНЫЯ ШИНЫ.

КАКАО ВАНЪ-ГУТЕНА

УКРѢПЛЯЮЩІЙ НАПИТОКЪ для **АРМІИ и ФЛОТА,** удобопримѣнимый также въ полевыхъ лазаретахъ и въ госпиталяхъ КРАСНАГО КРЕСТА, какъ возстанавливающій силы больныхъ.

100 чашекъ изъ **1** фунта.

Фабриканты C. J. van Houten & Zoon, Weesp (Голландія).

САНАТОГЕНЪ БАУЭРЪ

самое дѣйствительное, укрѣпляющее нервы и силы средство для взрослыхъ и дѣтей.

БЛЕСТЯЩІЕ ОТЗЫВЫ

врачей объ успѣхахъ примѣненія его при малокровіи, нервныхъ болѣзняхъ, разстройствахъ питанія дѣтей. Имѣется въ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Остерегайтесь поддѣлокъ.

Литературу о Санатогенѣ высылаетъ безплатно К. И. Креслингъ, С.-Петербургъ, Б. Конюшенная 29.

Сканировал redukorer rutracker.org